

Сергей Учаев

Пустое место

Сергей Учаев

Пустое место

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21126688

ISBN 9785448314728

Аннотация

Роман о современной школе, об обществе, в котором мы живем. Дневник нашей жизни, который ведет новый «человек из подполья». Книга, развивающая классическую для русской прозы тему «лишнего человека».

Содержание

29 августа	5
30 августа	10
31 августа	13
1 сентября	18
2 сентября	28
3 сентября	31
4 сентября	56
5 сентября	70
6 сентября	79
7 сентября	117
8 сентября	122
9 сентября	133
10 сентября	145
Конец ознакомительного фрагмента.	147

Пустое место

Сергей Учаев

© Сергей Учаев, 2016

ISBN 978-5-4483-1472-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

29 августа

По заведенной неизвестно кем традиции открываю дневник указанием даты. Хотя датировать записи в какой-то мере глупо, особенно если не собираешься потом их перечитывать. В том, что каждая запись должна быть привязана к определенному числу, есть свой смысл только для того, кто склонен копаться в собственной истории. Что я там подделывал лет пятнадцать назад? И воспоминания встают перед мысленным взором как живые. О, сладостные дни моей юности, о, трогательные мгновения моей безвозвратно утекшей жизни!

Чушь. Я начинаю вести дневник не для этого. Данное собрание записей, а я надеюсь, что будет именно собрание, я не сдамся и не остановлюсь на первой или второй, – свидетельство моей окончательной капитуляции.

Ведение дневников до недавнего времени я считал делом не только напрасным, но и опасным. Дневники читают. Как правило, те, кому не положено. Это довольно распространенная практика. Людям любопытны другие люди. Хотя нет, иначе: людям любопытно исподнее других людей: страхи, оценки, сомнения, неуверенность, самокопание. А он вовсе не так крут, как кажется! Или наоборот – ты смотри, какая сволочь, всех обгадил.

Но подобного рода разоблачение меня не пугает. Фигура

я невысокого полета, ничем не знаменит и среди знаменитостей никогда не тесался, не чистил им ботинки и не собирал посуду со стола, занося при этом в память застольные беседы великих людей. Моя жизнь ничем не примечательна, а о жизни значительных людей, столпов нашего времени, если вообще есть еще такие, я ничего сказать не могу. Журналисты знают много больше моего, покупайте газеты, пожалуйста.

Нет, дневник нужен совсем для другого. Не для того, чтобы его читали, а для того, чтобы в нем писали. Я вижу в дневнике совершенно иное назначение.

«Давай поболтаем?»

Разговор – вот что ценно. Конечно, беседа с самим собой, в какой-то степени признак сумасшествия. «Не пейте в одиночку». Помнится, это Кларк Гейбл советовал Вивьен Ли. Не разговаривайте в одиночку. Это тоже своего рода алкоголизм. Беседа в доброй компании похожа на легкую выпивку, всегда есть возможность остановиться, в конце концов, разгуляться тебе не дадут другие, которые тоже не прочь приложиться к горячительному току беседы. Поболтать. Разве не для этого собираются женщины, которые любят вино и шампанское?

Вести дневник в наше время старомодно. Блог, блог – вот это, пожалуйста.

У меня тоже есть блог. Профиль в «Фэйсбуке», профиль в ЖЖ. Профиль «Вконтакте» отсутствует, слишком много там моих ученичков околачивается. А я слишком устаю

от них в школе, чтобы терпеть их еще и на своей странице. Вряд ли они смогут написать мне там что-то хорошее.

Но блог – это для конспирации и статуса. Я веду его, потому что я – культурный, социально конформный человек. Современен. Открыт общению. Несколько фоток для того, чтобы не выделяться на общем фоне. Пару раз в неделю посты на пошлые и без того уже ходовые темы: «Вынести тело из мавзолея», «РПЦ: друг или враг?», «Рубль продолжает свое падение», «Европа под гнетом мультикультурализма». Ну, вот, что-нибудь в таком духе. Не слишком остросоциальное, этого и без меня хватает, и не котиков, котиков тоже предостаточно. Несколько друзей, таких же вялых на интернет-общение как и я, коллеги, их немного, с обязательной пометой «исключить из ленты новостей», и полное отсутствие лайков.

Мой профиль сияет серостью и бессодержательностью, но в то же время показывает, что я бегу в ногу со временем, и не теряю памяти о своем высоком призвании интеллигента, который должен вещать граду и миру. «Я не ветошка».

Но настоящий Я будет здесь.

Раньше говорили – если тебя распирает от секретов, найди дупло и скажи в него. Вот, этот дневник и будет дуплом, потому что меня и в самом деле в последнее время стало распирает. Каких-то особых секретов у меня нет. Но слово – враг мой, так и лезет из глотки. Если подумать, то, по сути, каждое слово – секрет, выболтанная тайна о тебе самом.

Но люди, слава Богу, не слишком любят думать, поэтому болтают без умолка, не подозревая, что тем самым свершают постоянный акт эксгибиционизма.

Сказанное, а тем более написанное всегда социально. Имеет интенцию на другого. Проблема блога в этом и состоит. Пишешь от себя и о себе, но всякий раз выходит для других. В итоге сам становишься другим. Можно, естественно, закрыть запись, «показывать: только я», но зачем тогда вся эта морока с регистрацией? Возьми тетрадку и записывай. Это лучше. В самом процессе письма есть нечто психотерапевтическое. Рука работает, из-под пера бежит ленточка букв. Это тебя успокаивает, вводит в медитативное состояние лучше чтения каких-нибудь дурацких мантр или современных методик из области практической психологии. Ну а дальше, если все-таки разговор это главное, можно написанное перечитывать, полемизируя с самим собой, записавшим, с тем, кто по прошествии некоторого времени автоматически становится другим. Читаешь себя и свое, а все равно рождаются новые мысли, полемика, разговор. Как раз то, что нужно. Кто-то скажет интеллектуальная мастурбация, но это грубовато и далеко от действительности. Когда читаешь себя вчерашнего, ты имеешь дело уже с кем-то другим.

В то же время, ты всякий раз можешь быть уверен, что в отличие от блога, разговариваешь с настоящим бывшим тобой, потому что знаешь – писал ни для кого, ни на кого

не рассчитывая, ни под кого не подлаживаясь.

Гамбургский счет, без тузов в рукаве. Разговоры с самим собой. Обычно беседуют с великими, но истина в том, что любой человек великим считает только себя. «С умным человеком и поговорить приятно». Велик и в подлости, велик и в униженном состоянии. Подлее всех, мерзее всех.

Нет, «роскошь человеческого общения» держит крепче бутылки. Гуссерль, с удовольствием: «Какая сегодня была жаркая дискуссия». Еще бы, когда все целую пару молчали. Слаще такого разговора при молчаливом собеседнике ничего не бывает. Ну а лучший молчаливый собеседник – это ты сам, отстоящий от тебя сегодняшнего во времени.

30 августа

Вчера я несколько ударился в эмоции. Но это вполне объяснимо. После того, как что-то много лет варится у тебя внутри, неудивительно, что слова начинают лезть из твоей черепной кастрюли подобно мишкиной каше. Горшочек слишком долго пытался многое уварить в себе. Но против природы не попрешь. И оно лезет, лезет, лезет. В этом есть даже нечто очаровательное. Открываешь в себе новые стороны и грани. «Молчание – начало всех начал». Правда начало не слишком впечатляет. Сперва, как из водопроводного крана (отключают каждое лето на месяц и более) идет ржавчина, грязь и всякая пакость. Просто слова, одно за другим, без всякого смысла и содержания. Это не должно продлиться долго. Надо дать волю себе. Спустить словесную жижу перед тем, как хлынет чистая кристальная, дарящая прохладу влага мысли, которая настаивалась во мне годами, никому не нужная и никем не востребованная. Хотя может быть все наоборот. Этот бессвязный поток и есть самое ценное. А затем пойдет затхлая, застоявшаяся гниль, все что скопилось и умерло во мне. Что будет в итоге, трудно предугадать. Не узнаешь, пока не вычерпаешь до дна, пока не вытряхнешь все наружу.

«Вот тебе и третья выгода».

Психоаналитическое проговаривание, свободные ассоци-

ации, так это, кажется, называется. Вывалить все наружу, чтобы отыскать самое главное, а потом сложить уже все аккуратно и стопочками, прикрепить бирочки, как на складе или в архиве. Составить, что-то вроде психологической характеристики: морально устойчив, беспощаден к врагам Рейха.

Я уверен в себе. У меня нет оснований сомневаться в собственной объективности. Я так долго себя смирял и дисциплинировал, так долго взвешивал внутри себя все эти мысли, переживания, переливы настроений, что вряд ли могу обвинить себя в пристрастности. В конце концов, дело в том и состоит, что слишком многое отгорело, и теперь, сидя над этой тетрадкой я смогу спокойно и взвешенно взглянуть на весь накопившийся материал. Подивиться собственной глупости, рассказать о маленьких победах и постыдных поражениях.

Но об этом завтра. Я и так уже засиделся, делая запись. Жена раздраженно поглядывает в мою сторону. Отлично понимает, что я «опять что-то затеял, чтобы быть подальше от нее». Это стандартная формулировка для любого моего действия. Подобный комментарий сопровождает мои задержки на работе, чтение книг, просмотр телевизора, регулярные подвиги в виртуальном мире. Здесь же грех еще более явный – письмо. Нет никакого сомнения в том, что в ближайшее время она попытается раздобыть эту тетрадку. Заглянет ко мне в стол, аккуратно осмотрит сумку, с которой я хожу на работу. Будет шарить на книжных полках – вдруг я запрятал дневник среди книг, которые кроме меня в семье

практически не читает. Странная вещь, письменное слово возбуждает куда больший интерес, чем устная речь. Стоит, к примеру, мне заговорить с женой, она сразу же перебьет меня, мигом заткнет мне рот. Но тетрадь будет прочитана от корки до корки, я уверен.

31 августа

Последний день свободы. Завтра День Знаний – траурный день и для тех, кто учится, и для тех, кто учит. Хотя справедливости ради стоит признать, что свободы для обучающихся нет уже почти неделю. Детишки догуливают последние деньки, а учителя уже тянутся по утрам гуськом на работу, моют, чистят и блистят. Слава Богу, в этом году у меня нет своего кабинета, и мне не надо ничего поливать, не надо бегать за тряпками и моющими средствами к нашему завхозу Марии Степановне. В этом году я гордый и ничем не обремененный, хожу до начала занятий в школу как в присутственное место, побалакать с коллегами. И пока та или иная дружественная мне учительница роется в старом стенном шкафчике, драит окна, балансируя на подоконнике, перебирает свои многолетние запасы тетрадей и записей, чтобы отправить их, наконец, в мусорку, я рассуждаю о высоком – о цели педагогической деятельности, трудности жизни вообще и своей в частности. Но, в общем-то, это да, пока свобода. С завтрашнего дня поболтать уже не получится, заскрипит несмазанная телега отечественного образования и начнется ежегодное взаимное издевательство учеников и учителей друг над другом.

Я – учитель. Признаюсь в этом со стыдом уже в первых страницах, потому что утаить этот факт, подобно тому, как

рассказчик в «Братьях Карамазовых» утаивает наименование города, в котором разворачивается действие, не удастся. Скотопригоньевск, Скотопригоньевск.

Занятие постыдное. Хуже проституции. Что поделаешь, некоторые в наше время на жизнь зарабатывают и так. «Мы ничего не умеем, нас в колхоз нельзя, мы там все окончательно развалим».

Время от времени, в минуты приступов откровенности я говорю своей жене: «учитель – это первая профессия перед бомжом». Она начинает меня успокаивать: «Ну что ты такое говоришь?» Мне это льстит, конечно, и может быть я порой ради этого и вбрасываю провокационную фразу, чтобы меня пожалели, стали уверять, что я слишком сгущаю краски, но я действительно так думаю. Впрочем, не все так плохо. Путь в учителя – необязательно бесповоротный путь вниз. Лифт иногда поднимается и наверх. Кое-кто из учителей нынче довольно часто уходит в продавцы, и, на мой взгляд, это несомненное повышение социального статуса. Некоторые дамы, с которыми я начинал работать два года назад, уже стали работниками сферы обслуживания. В целом, довольны. И я за них рад. Черт меня угораздил родиться мужчиной! А ведь я мог бы также как и они встать за прилавок, чесать языком и зарабатывать себе на жизнь, дополнительно к основному заработку химича еще и со скидками. Однако общество неодобрительно смотрит на мужчин, уклоняющихся от трудностей. Оно ухитрилось и в меня вбить подобные предрас-

судки. Умом я понимаю, что надо искать, где лучше, но вот волевая составляющая хромает. Поэтому, встроившись разок в образовательную колею, я вряд ли вывалюсь из нее до тех пор, пока меня из нее не вышвырнут силком.

Порою мне кажется, что мыть полы в школе много почетнее. Когда в конце рабочего дня, я, вымотанный, собираю свои тетрадки и учебники, и потом шагаю по коридору мимо влажных свежих полос на бетонном полу, то с завистью гляжу на безымянных, неведомых неблагодарному человечеству тружениц ведра и швабры. Кто сказал, что это черная работа? «Эту привычку к труду благородную...» Кто забыл святой завет поэта «все работы хороши!» Я гляжу на неспешно выписывающих своими громадными тряпками письмена подлинной цивилизации и настоящей культуры техничек и завидую свободе и творчеству, которые свойственны их профессии. Никаких рефлексов, выработанных по Павлову. Звонки ничуть их не трогают, уборщицы просто не обращают на них никакого внимания. Какая сосредоточенность на влажных загогулинах, остающихся после каждого взмаха швабры! И какой нравственный смысл работы! На техничках держится весь мир. Люди погибли бы без них. Они ядро культуры и цивилизации. И при том единственные свободные художники. Их искусство актуально и теургично. Что за идиоты хотели изменить мир стихами и картинами? Подлинное современное искусство сосредоточено в этих преходящих импровизациях швабры и половой тряпки. Свобода

художника, человеческая свобода. Нет, я им определенно завидую.

В работе технички для меня есть еще один большой плюс: она никак не связана с человеком. Поломойки, токари, сантехники, люди рабочих профессий не сознают всей полноты собственного счастья. Им есть чем гордиться. Их деятельность продуктивна, они всегда видят результат своего труда. Чистый пол, работающая батарея, выточенная деталь. Не то, что у тех, кто связан с производством человека человеком. Я в духовном аспекте, конечно. Физически-то здесь все в порядке. А вот в области духа вечная недоделка. Вечные полуфабрикаты и поточное производство, в котором ты отвечаешь только за пуговицы, и никогда не знаешь, получилось ли изделие в целом.

Жена советует: «Ты только училкам своим этого не говори, про бомжей и техничек. А то ума хватит. Тебя уже и так никто слушать не хочет».

Напрасно беспокоится. Я не говорю. Как будто кто-то собирается дать мне возможность открыть рот. Женщины болтливы без меры и считают себя умнее «каких-то там мужчин». «Мужчины, что они понимают в жизни?».

Нет, вряд ли бы меня стали сильно слушать, начни я лопотать как Заинька-паинька. Популярность у меня не отличается широтой. Ссориться даже не с кем, потому что с большинством я уже поссорился. Любая моя попытка «поумничать» на учительских собраниях вызывает в основном недо-

вольные взгляды «коллег» и раздражение высшего руководства. Последнее, если бы оно было наделено способностями Зевса, уже давно испепелило бы меня молниями. Но таких талантов ему Бог не дал. Поэтому начальство медленно и верно, один год за другим, просто пытается стереть меня в порошок. Однако с последним они тоже не слишком торопятся, отлично понимая, что учитель русского языка и литературы – должность расстрельная. А потому: к чему тратить усилия? Может быть, все сложится удачно и они без излишней траты сил и нервов, с удовольствием расстреляют меня в конце этого учебного года «в связи с неудовлетворительными итогами сдачи ГИА». Вполне вероятно, что это будет наилучший исход дела и для них и для меня. Смертная казнь все-таки лучше пожизненного заключения. Очень уж не хочется походить на Валентину Николаевну – учителя биологии, из которой школа за сорок с лишком лет высосала не только мозги, но и душу. Застывшее, безмолвное ископаемое. Остов человека. Розанов прав, мы тупеем и немеем на этой работе. «Училки тупеют. Я немею».

Но не будем о грустном. Завтра будет только завтра.

1 сентября

«О черный день, тебя я проклинаяю».

Я заговорил стихами, и это уже само по себе дурной знак. Потому что к стихотворной форме стараюсь прибегать только в исключительных случаях. Но о ненавистном лучше, чем нелюбимым не скажешь.

День как всегда хлопотный и совершенно бестолковый. Единственный раз, когда я чувствовал счастье в первосентябрьское утро, был тогда, когда сам в первый раз пошел в первый класс. Очаровательная наивность. Маленький, вытянувший головку за знаниями птенчик. Какой хорошенький, давайте дадим ему червячков! Вот тебе буковка, вот тебе циферка.

У меня даже фото сохранилось. Лопухий, длинношей, безмерно довольный первоклассник с огромным букетом цветов. Сейчас его отведут в темный класс, как, впрочем, и остальных таких же наивных жертв социального прогресса, сделавшего образование общеобязательной повинностью. «Как молоды мы были...»

Дальше отношение к первому сентября развивалось по убывающей. Не потому что не любил учиться, дело не в этом, тяга к знаниям у меня была с детства. «Мы не привыкли отступать. Вам разузнать о всем поможет киножурнал «Хочу все знать!» Просто, школа и знания – это разные ве-

щи. Это я понял уже тогда, в детстве.

Впрочем, для меня как для учителя дата эта много при-
скорбнее, чем для того, кто учится.

Но это я под влиянием момента сгущаю краски. Для учи-
теля как раз в этот день на самом деле все не так уж пло-
хо, если он, конечно, не возится с первоклашками. Заня-
тий минимум. А поскольку я вместе с кабинетом утратил
еще и классное руководство, то и вообще – зашибись. Су-
ществуют, конечно, мероприятия. «Дети, сегодня Вы вновь
оказались в стенах родной школы!» Но и это ерунда. Прав-
да, в майские дни все-таки намного лучше. Программа осво-
ена, ну примерно так, как, наверное, осваиваются где-ни-
будь бюджетные средства. Все мечтательно ждут лета, и уче-
ники, сбавив темп внутривидовой и межвидовой агрессии,
неспешно переписывают в тетрадку упражнения за упраж-
нением. Я мечтательно смотрю в окно. «Идет-гудет зеленый
шум».

Нынче шум наоборот отгудел. С середины августа падает
на серый асфальт пожухлый лист, а утренняя прохлада напо-
минает о том, что не сегодня-завтра зазвенит по тебе пусть
не колокол, а школьный звонок.

Дочь также не рада началу занятий. Хоть в чем-то мы
с ней совпадаем. А так – сплошное различие. Идеологиче-
ское и культурное противостояние. 70-е годы, холодная вой-
на, с робкими попытками разрядки и настороженно-заинте-
ресованным разглядыванием друг друга. Девочка своих лет.

На вид современная, внутри – не уверен. Мы с женой постарались, испортили воспитанием. Но так, пока молчит, не скажешь. Все на месте. Обтягивающие джинсы на пухлой заднице. И когда успела попа подрасти? Неизменная жвачка. Какие-то висюльки-бирюльки и косметика, которая начала с недавних пор расплзаться по лицу. Дитя на подростке.

– С праздником тебя! – успеваю бросить, стоя полностью экипированный для выхода в Зону, в дверях.

– Взаимно, – скорчив кислую мину, отвечает она. Вид еще постельный. Из будуара. Ну да, она учащаяся, ей можно прискакать и под звонок, не то, что нам, бедолагам – труженикам мела и интерактивной доски.

Тем более ей совсем в другую школу, в нашу, ту, что поблизости в двух домах от нашего двора. Это хорошо, что мы с ней не в одной. Хотя вряд ли бы она бегала ко мне в кабинет с криками «Папа! Папа!» Не в таком духе мы ее воспитывали. Сколько каленого железа извели.

Со вчерашнего дня в школе практически ничего не изменилось. Что-то кумачовое, в духе почти вековой советской традиции два наших подсобных рабочих уже успели приладить над входом, а больше ничего обычно не требуется. Школа у нас заштатная – великое начальство не заедет, а родители не оценят. Тем более если за их счет. Естественно царило оживление. Первое сентября – святой день! Народу за счет родителей первоклассников перед школой было вдвое больше обычного. А так, все то же, ничего такого, чего бы я ни

видывал.

Стоило мне появиться в холле школы, как непонятно откуда возникшая Яблонская, жгучая брюнетка, будущая знойная женщина – мечта поэта, стремительно набухающая плотью во всех местах, а не только сзади, как дочь моя, приветственно заголосила, так что многие аж заоглядывались: «Здрате, здрате, Николай Петрович! Сколько лет, сколько зим!» Это у нее юмор такой. Если не обращать внимания, все пройдет нормально. «Здравствуй!» Здесь нужно холодно, без всей этой игривости типа «ой, как ты за лето подросла, Симоночка!», а то привяжется еще, не дай Бог! Холоднее, дипломатичнее. Чтоб отвяла к лешему. И по имени не называть. Имя ее особенно электризует. Симона. Надо же, как родители постарались в отношении ребенка. Наверное, Кузьмина в детстве переслушали. Помню-помню, в свое время у нас в пионерском лагере без конца орало: «Симооона! Девушка моей мечты! Симооона! Королева красоты!»

Хотя по годкам, конечно, поздновато, для увлечения Кузьминым. Время зачатия располагается где-то в районе нулевых. Но, с другой стороны, почему бы и нет? Кузьмину, как и любви, все возрасты покорны. Тем более, шанс, что сей хит запал им в душу, имелся. Родители Симоны не могли уже похвастаться молодостью тогда, когда обзавелись своей дочуркой. И, может быть, воспоминания о бурной юности конца 80-х, когда советской молодежи крутили эту песенку, пробуждая к началу нормальной половой жизни, спо-

двигли на увековечивание памяти в своем ребенке. Самый заурядный алкоголик и мама-продавщица вряд ли вдохновлялись при наименовании своего чада восхищением перед авторшей «Второго пола».

Яблонская – странный фрукт. Несомненно, что с возрастом она станет той еще штучкой, если не сколется и не сопьется, конечно. А к последнему генетическая предрасположенность есть. Сладу с ней почти никакого. Я ломал ее через колено. Доводил до слез и истерик. Непедагогично. Но иначе-то никак. Слава Богу, и родители, и администрация только поддерживали. «Вы с ней пожестче, пожестче, Николай Петрович!» – долбили в унисон и завуч, и папа с мамой. – «Она от этого только лучше будет». Собственно, так и есть. Женщина-тесто, чем больше бьешь, тем лучше, не забудь плетку и все такое. Яблонская как-то от рождения впитала все эти прописные истины.

В общем, весь позапрошлый год и часть предыдущего шло у нас с Яблонской реалити-шоу «Укрощение строптивой». Получилось все почти по классику, за исключением того, что покладистой она стала только по отношению ко мне и больше никому. Но ведь так вроде бы и должно было быть по Шекспиру, или я что-то забыл? Теперь уже дневники и ручки летали по классу в кого угодно, только не в меня.

Впрочем, следует откровенно признать, вести она себя и в самом деле стала чуть лучше, хотя, как говорят ученые-физики в американских фантастических сериалах, оста-

валась нестабильна. Мучился я с ней долго, но своей заслуги в том, что она сбавила обороты, все равно не чувствовал. Списывал все на возраст. Взрослеть начала, вот и дурь вся стала испаряться. А так, умная девка, толковая, ужас. Если бы не характер, горы бы свернула.

Поднявшись по лестнице, я увидел стоящего у окна, напротив моего бывшего кабинета, Антона Краснухина. Еще один экзотический представитель шестого, а с этого дня седьмого, «В», одноклассник Яблонской. Правда, только по журналу, с точки зрения официальной. Друг другу они были полностью безразличны. Делить нечего, сидят достаточно далеко, чтобы Яблонская могла что-нибудь стащить у Краснухина или как-то по-другому напакостить ему. Различие темпераментов. Полное несовпадение. Разновекторная направленность. Яблонская – это просто динамит ходячий с подожженным бикфордовым шнуром. А этот спокойный, основательный, крепенький. Маленький русский Кинг-Конг.

«Здравствуйте!» – приветствовал он меня, на секунду отвлекшись от созерцания школьного двора. Удивительные ясные глаза, незабываемое широкое, лопатой, лицо. Ни единой мысли. Хорошо, наверное, живется на свете Краснухину.

Как и все мои бывшие ученики, Краснухин был из семьи самой обыкновенной, из простонародья. Пролетарские дети. Мама и папа у него не блистали интеллектом. Но я не видел в этом особой проблемы. Руки у них были приставле-

ны к тому месту, к какому надо. Сам убедился в этом еще в прошлом году, когда делали ремонт класса. Да и Сергей Сергеевич, наш дед-трудовик был Краснухиным очень доволен: «Уникум! На всю школу только он и Патрушев из 8 „Б“ руками могут что-то сделать!»

Краснухина в классе то и дело дразнили толстым. Но он, конечно же, никаким толстым не был. Среднего роста, плотный, имел стальную мускулатуру. Боюсь, что если бы меня посадили померяться с ним силой в арм-рестлинге, он победил бы на первых же секундах.

– Тебе надо что-то? – спросил я его на всякий случай.

– Нет, я просто стою и гляжу, – ответил он, даже не поворачивая головы.

– Ну, стой-стой, ради Бога.

Я зашел в кабинет.

Ах, эти школьные кабинеты. Они кажутся тесными и маленькими, когда их заполняет два с лишком десятка ребят и необъятными, громадными, когда ты сидишь в них в одиночестве.

Краснухин и Яблонская приветствовали меня скорее по привычке. Они еще на переключке узнали, что переходят к новому классному руководителю. Случай почти небывалый при работающем-то учителе. Тем более невероятный, что это я сам отказался дальше с ними работать. Учитель-предметник, крепостной, получивший вольную, – этого наш директор Геннадий Павлович очень не любил. Но по-

делать с этим ничего не мог. Имею право, хрен оспоришь. Если я вообще уйду, кто же вместо меня работать-то будет? Вакансий много, а дураков нет. Поэтому он поскрипел зубами, сделал для себя против меня еще одну зарубку и заменил молоденькой англичанкой. Ох, и трудно ей придется. Но время филантропии прошло. Я устал уже жить во имя высоких идеалов. Пора подумать и о себе. Я уже прожил почти два десятка лет в дурдоме, именуемом образованием, но это не повод для того, чтобы и дальше плотно общаться с буйнопомешанными. Можно найти контингент и потише.

День выдался рутинным. И это хорошо. Все неожиданно только к худшему. «Счастливы народы, не имеющие истории». А тут как по рельсам: линейка, урок чего-то там, не то патриотизма, не то гетеросексуализма. Обязательные первые звонки или как это там теперь называется. Никогда в памяти удержать не мог. Уныло, конечно все это, аж скулы сводит.

«Дорогие ребята...»

Нет, слава Богу, что я в этом году ничего не готовлю. Классы у меня средние, один только старший. Ну и я только уроки веду. Нет никакого классного руководства, спасибо тебе Господи. Теперь я смотрю на действие, именуемое школьной жизнью, почти что со стороны. Отвлеченный наблюдатель.

И директор, и завуч, Анатолий Сигизмундович, задвинули, как обычно, речь. И у того, и у другого она ничем не отличается от прошлогодней. Это хорошо, это правиль-

но. Единственный рациональный момент во всем этом первосентябрьском безумии. Экономия.

Ученики еще потоптались немного после ужасающего утренника, иначе не назовешь, и разбежались по домам. Молодцы. Что им еще здесь делать? Впереди еще целых девять месяцев в нашей псевдознаниевой утробе.

Ну а как все ученички разошлись, наши учителя, особенно из числа особ приближенных к императору, то есть директору, потянулись на пьянку. Учительская пьянка в этот день – нечто промежуточное между стандартным казенным банкетом и поминками. «Пати, пати, пати, йе, йе, йе!»

Я от императора стал лицом удаленным, не оправдал мужского доверия («мы – мужики, должны держаться вместе!») и меня никто теперь туда не зовет. Впрочем, не только меня. Нас таких по школе наберется достаточно разного возраста, правда, пола одного, женского, оппозиционных верховной власти уже по факту своего существования. Вот и соседка моя по кабинету весь прошлый год, Светлана Викторовна, географичка, уже пошла домой, а не на совет к нечестивым. За ней вся началка. В фаворе у директора только завуч по начальным классам – боевая валькирия образования, обладательница больших габаритов Марина Бесчастных, которую за глаза называют Бесчестных. Злые языки утверждают, что поста своего она добилась вовсе не за трудовые заслуги. Но я так не считаю, по нынешним временам, оказание интимных услуг начальству – это прямая обязанность подчиненного.

С точки зрения морали, здесь, конечно, дело нечистое. Но, с другой стороны, я свечку не держал, и хотя интрига в духе Блина Клинтона вполне могла случиться – Геннадий Павлович – мужчина в полном расцвете сил, да и Мариночка ему под стать, прямых доказательств ни у кого нет. Признаков директорской спермы на необъятном пиджачке или брюках Марины Ивановны никому обнаружить еще не удалось.

Врут, клеветают. Может быть и такое. Бабы. Завидуют чужому счастью. Кусают локти, что не они-с первые. Вот и сплетничают. Тут уж как хочешь уши закрывай, а все услышишь. Ну а при моей-то незаметности, молчаливости и крайне ограниченной популярности меня и вовсе не замечают. Пустое место. Болтают, особо не стесняясь. В итоге, я невольно в курсе всего – разладов в семье, цен на нижнее белье, вчерашнего досуга и финансовых проблем отдельных членов нашего не вполне дружного педагогического коллектива. Да что я, кажется, все ученики все это знают отлично. Ведь они тоже своего рода пустое место.

Мне предложить Палычу по части интимных услуг нечего. Староват я для такого рода нетрадиционных отношений, да и он, впрочем, тоже к ним не стремится, у него для этого Анатолий Сигизмундович есть. Шутка.

Поэтому я сижу сейчас дома, пишу вот этот дневник и наблюдаю краем глаза за тем, как разворачивается действие в «Доживем до понедельника».

Alone Traveller.

2 сентября

Школа, как ни странно, не занимает много места в моей жизни. Я там получаю деньги. И больше ничего. Что бы еще мог мне дать, этот второй дом? Работный. Пообщаться там не с кем. Дети учиться не хотят. Ну, так всегда было. В принципе, это ерунда, но это их нежелание страшно мешает тебе зарабатывать деньги. Не просто препятствуют, вроде бревна на дороге. А делают это активно, напористо, с выдумкой и задором. Хотя чаще всего совершенно бессознательно. Натура у них такая. «Дети – это маленькие кричащие механизмы». Выматывают донельзя. «Так ведь он за это сантики получает» Каждый день как Незнайка у доски. Впрочем, среди нас очень много Козликов, особенно женского пола, которые, не моргнув глазом, получают свою долю оплеух, а потом, честно-честно, в самом деле, бегут за этими самыми сантиками. Без излишней рефлексии, без моральных сомнений. Получили по морде и опрометью два раза в месяц, пятого и двадцатого, к банкомату (всех теперь на карточки перевели) получать. А затем шлеп-шлеп, в дом в семью кормить родное чадушко. Или два. Муж ведь тоже большой ребенок.

Героизм и самоотверженность, соседствующие с чисто утилитарным подходом. Психология проститутки. Брать-давать. Я так не могу. Мою конструкцию отчего-то усложнили,

поэтому это скорее они, а не я бегают в школу за деньгами. Моя исходная посылка (я делаю это только за деньги) – так, преувеличение, желание казаться циничным и твердым как сталь. Этаким последний герой боевиков, чандлеровский детектив – золотое сердце в грубой обертке цинизма. Во мне нет ни практичности, ни героизма, которые свойственны нашим женщинам.

Я. Что я здесь забыл? Ответить на вопрос трудно. Наверное, просто задержался, потому что уже нигде больше не берут.

Так вот, детей приходится воспитывать. Многие, в том числе упомянутые выше Козлики женского рода, полагают, что без этого можно обойтись. Мол, протерпи урок – и все. Это, конечно, в корне неправильная позиция. В школе, как в зоне, надо показывать характер. Только с умом. А не то тебе устроят темную. Ну не в прямом смысле, но все-таки. Когда-то, антипедагогично, в духе «воспитывать не надо», рассуждал и я. Но это до того, как мои мечты разбились о педагогические реалии. Так что все кончилось хрестоматийно: «Гуэрески, гив ми ля фромбула».

Подход «воспитание как средство самозащиты», кстати сказать, исповедуют многие наши здравые учителя – числом три штуки, ну или пять, не зараженные буржуазным гуманизмом. Ученик, в сущности своей – животное, и как всякое животное требует строгого обращения с собой. Строгого, не в смысле «хлестать по морде», хотя и это лучше чем

ничего (страдания ведь очищают и закаляют?), а в смысле простоты и четкости указаний. Тумана оно не любит, деградируется в неопределенности требований. Становится плохим животным, человеком. Так что нагрузка в виде ценных указаний должна быть постоянной.

Впрочем, что это я все о работе, да о работе?

Это, наверное, потому, что первосентябрьский синдром не прошел для меня даром. Не для жалоб же на свою школьную судьбинушку я завел дневничок. Но, увы, если окинуть взором всю мою невзрачную жизнь – описать совершенно нечего. Совершенная серость. Законопослушен. Всегда был, и, скорее всего, буду таким. Особыми способностями не обладаю. Не был, не состоял, не участвовал, не привлекался. Даже на оккупированной территории не проживал, равно как и мои родственники. Позор.

3 сентября

Сегодня до дневника добрался лишь поздно вечером. Проклятая работа отнимает слишком много времени. Собственно уроков не то чтобы так уж много, мне ведь дали ставку, не больше. В глазах общественности, которая стабильно тянет по полторы, по две – явный показатель опалы. С удовольствием дали бы и меньше. Но меньше по деньгам не устроило бы уже меня. В общем, в итоге получилось и много, и немного одновременно, в зависимости от того, с какой стороны посмотреть. По идее работать нетрудно. Если учесть, что к урокам я не сильно-то и готовлюсь. Зачем? Дело здесь не в том, что я – эрудит и светило в области педагогического мастерства по меркам среднестатистической школы. Просто я не вижу смысла особо лезть из шкуры. Никто не оценит. На самом верху подавай инновационные методы, нашему директору, понятное дело, успеваемость, а самим ученикам все пофигу и фиолетово. Вести уроки на полную катушку, это что-то сродни наступлению на фронте, когда соседи и слева и справа отстают от твоего темпа и завязли где-то далеко в тылу. Возрастает риск окружения. Коллеги также этого не одобряют. «Не рви жилы, а то нам план подымут».

В общем, надо к людям помягче, на вопросы смотреть ширше. Но до какой тут широты, когда житья не дают!

Хочешь пофилонить чуток, расслабиться за своим столом, в окошко глядячи, но нет, не дозволяется. Вот и втягиваешься в педагогическую работу на свою голову.

Однако я не об этом, а о том, почему раньше прийти домой не получилось.

Причина тривиальная: Палыч с Сигизмундычем обрушили на нас внеочередное собрание педагогического коллектива. Что-что, а собираться они любят. В кабинете ведь сидеть скучно. Уроки вести неинтересно.

Сигизмундыч информатику преподает, у него точно скучно. Дети руководство пока еще боятся, а обсуждать в этой самой информатике особо нечего. Все сосредоточено тыкают пальчиками в кнопки. Тишина.

Палыч ведет историю с обществознанием в старших классах. Там все тихие у них.

Власть применять никакого резона. А вот баб наших заставить побегать хоть какое-то развлечение. «Учение с увлечением».

Народ проявил некоторое словесное недовольство в кулуарах: «Какого, ёпрст, рожна? Ведь пять дней назад собирались. А есть, кто и первого еще в тесной и не только дружеской обстановке».

Когда такого рода экстренные собрания скликают на большой перемене, мне это нравится. В перемену все равно не укладываемся – бабы у нас обычные, а значит говорливые и бестолковые. Вон одна Костылева Надежда Ефимовна, ко-

торая по домоводству, оно же технология, как начнет переспрашивать, так меньше чем полчаса не займет. Да и директор не торопится, ведь здесь вопросы, в основном, все его – бумажки всякие, «к нам едет ревизор», организация праздников и дней памяти. За учебу с него не спросят, а вот за бумаги и активную гражданскую позицию – это да. Бабы за это тоже очень переживают. Хотят смотреться хорошо, ну, или не хуже, чем соседние школы. Не все, конечно, но большинство. В итоге залезаем в бурном и заинтересованном обсуждении аж на пол-урока. Абстрактно, с высот педагогической этики, плохо, а так хорошо: «солдат спит, служба идет».

Но сегодня-то, сегодня не то. После уроков оставили.

Мне вдвойне хуже, я свое резво отгрындел с утра. И потом два урока маялся в ожидании: в кабинете не останешься, там расселись другие учителя. Куда бескабинетному податься? Не в учительской же сидеть, слушать вестник домашней жизни заштатных педагогов. Или того хуже «как я провел лето». А до своего дома лень бежать – только придешь, чайку попьешь – и уже одеваться. Да и нет там никого, днем-то, а одному тем более бессмыслица.

Пришлось болтаться по магазинам. Изучать ассортимент и радоваться полным полкам. «Никогда еще мы не жили так хорошо».

Купил себе булочку, мы такие называли раньше «Веснушками», в девяностые они стали едва ли не «Шахтерскими» по прозвищу. Сейчас – «ванильные». Ну это потому что

про шахтеров уже неактуально. Как и про зайцев. Ничего необычного – сладковатая сдоба, мякоть с желтизной, липнущая на зубах. Поверх маленькой булочки обязательная корочка коричневого с черноватой почти глубиной отлива, на мой взгляд самое невкусное, я всегда ее съедаю прежде всего. Самое сладкое, самое вкусное на потом. Так правильно.

Нет, не тот вкус. Не та булочка, как в детстве. Сахара явно не хватает. Экономят. Да и яйцо, есть ли яйцо в достатке? Я не разбираюсь. Вот жена, та могла бы сказать. Все-таки печет.

Я жевал булочку стоя на улице и смотрел на бесконечный поток людей. Будний день, а народу, народу-то сколько. Весь транспорт забит. И маршрутки, и муниципальный. А в детстве была тишина. Пустынный двор, редкие прохожие в рабочий полдень на улице. Шумная толпа по бульварам только в праздники и выходные. В кино и по магазинам. А тут людей пруд-пруди. Шатаются, и никто не работает. Вот страна-то и разваливается от неиспользования человеческого ресурса. Все спешат куда-то, движутся, направляются. Из пункта А в пункт В как в математической задаче. Все в процессе перехода, скитания, поиска. Никто не достиг еще своего пункта назначения. И только я, жующий плохонькую булочку, свободен от этого потока.

Жена мне время от времени говорит: «Ешь в столовой, желудок испортишь». Ну, положим, желудок испорчен у ме-

ня уже давно. В остальном же она права, не следует усугублять положение. Какая забота. Кроме нее кто еще подумает о моем здоровье? Наверное, в этом и состоит человеческое счастье: кто-то начинает заботиться о тебе, в то время, как ты сам о таких мелочах не думаешь. Женщины счастливы в этом, забота у них получается органически, было бы желание и подходящий объект. А я вот ничем подобным не могу похвастать.

Разве я думаю о том, как она там обходится в плане питания на работе?

Я впервые вдруг осознал, что мне никогда до этого не было никакого дела. Когда она закрывала дверь за собой, поспешая со всех ног в свое заваливающееся не первый год бюджетное учреждение, или когда я уходил первым, она словно бы переставала существовать для меня. Словно ее отключали. Как свет, как лампочку днем. Горит только по утрам и вечерам. В дневное время и так светло. Без нее.

Все-таки она у меня замечательная. И чего связалась с таким ничтожеством как я, что там себе нашла, что разглядела? Попользовала бы для здоровья, да и бросила бы на произвол судьбы. Тайна, загадка. Любовь зла, полюбишь и козла.

Вообще это интересно насчет любви. Наговорено ведь страсть как много. Песни, книжки (я постоянно имею дело с книжками, поэтому спец), разбухают от любви, а описать никому до конца не удалось. Воздыхания, стоны плоти, отношения. Все это подано избито, пошло, стандартно, нена-

турально.

Соотнося с жизнью, такой какова она есть, всякий раз не нахожу соответствия. Верно обратное, люди в жизни строят любовь под книжное. Свечи, ухаживание, танцы в «Голубой устрице» или «Голубой лагуне», прочая дрянь и пошлятина. А вот противоположное – от жизни к литературе – встречается редко, почти не встречается. Любовь нелепа. Наверное, это будет самое лучшее определение. И в случае подлинного чувства (пошловато написал) она иной и быть не может. Непонятной, несуразной. Взяли, да прилепились друг к другу. Отчего, для чего? Если задуматься, то и не объяснишь. Откуда-то приходит это ощущение, что вот, с этим человеком жить можно. «Кого бы ты взял с собой в разведку?» Встречаются, само собой, и ошибки. Но, мне кажется, это от того, что никакого ощущения не было. А было стремление приобрести. Ну вот, как я только что приобрел булочку в магазине. И потом жуешь человека как булочку, и, дожевав (можно бросить и на середине), приходишь к выводу: не то, не то. Почему «не то»? Здесь уже много рационального. Потому что не вписывается в шаблон, в стандарт, в эмпирические формальные признаки. А любовь как ни странно лишена формальных признаков. Живут, значит любят. Онтология.

Здесь я поймал себя на жульничестве. Да, рассуждение красивое. Но по сути, что в нем? Самооправдание. Свое безразличие, отсутствие заботы возводится в высший идеал. Я –

самый большой любовник, потому что формальных признаков любви лишен. Как себя, однако, хочется обмануть. Нет, самое первое суждение было самым верным. Любовь нелепа. Но разве свечи не нелепость? Или вынести мусор, помыть чашки – вечная классика семейного быта. Выпаривая весь этот абсурд, сводя все просто к абстрактному совместному проживанию, прикрываешь собственную пустоту и безлюбовность. Глупые и пошлые знаки любви все-таки остаются чем-то более ценным, чем отвлеченное духовное бытие вместе. Да, в этом «поешь что-нибудь» – подлинность, а у меня, получается, ничего. Я все булочки кушаю, и надеюсь, что кто-нибудь добавит в них сахара по моему вкусу. Очень эгоистично.

Выходит, что я жену и не люблю. Она ведь постоянно на меня ориентирована, а я стою, в облаках витаю, и сердце у меня не движется и не колышется: «Как она там?» Абсолютно спокоен.

Какое печальное открытие. Как страшно жить с этим. Но что же делать? Ведь, несмотря на это, я без нее никак не могу.

В чем же дело? Может быть, в том, что у меня КПД низкий. Мне и одного абстрактного бытия достаточно. А вот ей надо всю полноту. Я очень мелкий и маленький человек, получается, в сравнении с ней. Прочитал кучу книг, думаю, гигант мысли, а она, мне порою кажется, и вовсе не думает, а все равно при всей кажущейся поверхностности глубже

и обширнее меня. Отрежь от меня все это накиданное сверху – культуру, чужие мысли, выделенные кем-то в окружающую среду в незапамятные времена, что от меня останется? Ничего. А у нее все то же. «Ты покушал?»

Бог ты мой, какое неприятное открытие. Но полезное.

Она много говорит, страшно болтлива. «Скажи что-нибудь умное», – в душе прошу я. Дурак. Она ведь только умное и говорит. Это ты все со своими Толстоевскими глупости рассказываешь. Думаешь, что круче всех. А что сказать? Сказать-то по существу и нечего. «Поешь чего-нибудь». Да в этом морали больше, чем в каком-нибудь категорическом императиве. Практическое главенствует над теоретическим, деятельность и воля над сознанием и рацио. Вернее, определяет их.

Можно оправдаться и кинуть мысль, что это сырая до-рефлексивная воля. Но она есть как практическое действие, как цельный факт. А все мое рациональное сознание и моральные разглагольствования перед учениками каждый день – это пустой звук. У меня нет ни веры, ни соответствующей деятельности. Буквы и звуки, за которыми нет ничего. «Лучше помолчи!» – хором подумали пассажиры».

Собрание началось, как положено, в три часа. Но я в кабинет Людмилы Ивановны пришел много раньше. На счастье уроки у нее уже закончились, и все те, кто, как и я, слонялись без дела, уже сидели за свежевыкрашенными партами, вдыхая исходящий от них жесткий аромат краски.

Обычно нас набивается к Людмиле Ивановне целый класс с горкой. Педагогические сборища напоминают мне классные часы. Вещь столь же ненужная и бессмысленная. Мы же взрослые люди, неужели невозможно порешать проблемы в рабочем порядке? «Если бы директором был я...», мы бы не сидели пустые «окна» в этой чертовой школе. И вообще, поменьше имитации демократии, все равно Палыч с Сигизмундычем все решают у себя в кабинете. Но бабоньки эту имитацию любят. Часть, конечно, со мной солидарны во мнении. Но большинство позаседать просто обожают. Неужели никуда не надо? Борщ, муж и другие прелести жизни. Хотя может быть именно поэтому они особо и не торопятся. Протираание юбок и штанов на такого рода сборищах избавляет их от забот по домашнему хозяйству.

Как это уживается в них? Я всегда с удивлением наблюдаю за тем, с какой обстоятельностью они дают по телефону инструкцию по приему пищи своему чаду, а потом, как ни в чем не бывало, ведут изнурительное обсуждение какого-нибудь незначительного вопроса, совершенно не выказывая беспокойства о том, правильно ли их дите откушало, да и вообще, чем занимается в их отсутствие.

Хорошо, что я пришел рано. Есть возможность занять места за последней партой. Такая дислокация в одинаковой степени устроит и меня, и руководство. «Глаза бы мои на тебя не смотрели!» – это Палыч сказал, когда я б «В» кинул. Аналогично. Я разместился с удобством. Сумка со мной. За ок-

ном тепло, почти лето сегодня, солнышко припекает, чижики бодро летают, словно август и не кончался. Золотое времечко.

Неподалеку сидят Татьяна Николаевна и Светлана Сергеевна – коллеги. Тоже, как и я, тянут лямку словесности. Отношения у меня с ними деловые, то есть самые лучшие: «Здрате, здрате!» Ну, замутят когда у нас какую-нибудь олимпиаду, так здесь пересечемся, сделаем. «Партия сказала, комсомол ответил есть». Хорошие девчата, мой возраст почти, понимаем друг друга с полуслова. Татьяна Николаевна вся из себя такая плотненькая, роста невысокого, в очках. Говорит плавно. По всем статьям литератор. Нрав спокойный, характер, как там обычно в книжках пишут – уравновешенный. Наш майор Мак-Наббс, и тоже в юбке. Замужем. Имеет дочь, как обычно указывают в анкетах. Дочка маленькая, прибегает к ней время от времени в школу. Подвижная и худая, не в пример маме, кожа да кости, ну да как все дети до подросткового возраста. Больше подходила бы по фигуре Светлане Сергеевне. Вот та детей не имеет, но муж тоже в наличии. Светлана Сергеевна – Татьяне Николаевне полная противоположность. Ростом повыше и за счет этого смотрится не просто худой, но словно бы страдающей анорексией. Притом желчная, быстрая, энергичная и любопытная. Кабинет у нее недалеко от моего бывшего, дальше по коридору. Весь тот год так и норовила выйти за рамки деловых отношений. Каждое утро здоровалась с намеком:

«Заходи, мол, Николай Петрович побалакать». Я и заходил пару раз для приличия. Но только чтоб не обиделась. В этом году, наверное, опять донимать будет. Хотя сложнее, я теперь сила мобильного развертывания, «нынче здесь, завтра там». Чего ей надо – не пойму. Ну да женщины у нас, как положено, загадки, и их тянет на огонь как мотылиц. За счет своего изгойства получился я ярким. Ну да хоть в этом отличие. В любом нормальном коллективе хватило бы принадлежности к мужскому полу, но благодаря директору и завучу, у нас в сравнении с другими школами этого баракла навалом. То есть выходим за рамки обычного лимита – трудовик и физкультурник.

Помимо двух подружек в классе сидит сама Людмила Ивановна, женщина в теле и основательная. С интеллектом у нее правда есть проблемы, ну да за это ее дети и любят. Ум в работе с детьми противопоказан. Средняя параллель души в ней не чаёт.

На первой парте примостилась Ирина Александровна. Ей все равно, где сидеть. Она математик и составляет вместе с большей частью нашего педколлектива так называемое болото, за которое, будь у нас Конвент, следовало бы разворачивать политическую борьбу при голосовании. Однако у нас форма правления непарламентская, времена поздне-раннего бонапартизма, поэтому Ирина Александровна никого не интересуется. Ею даже мужчина ни один не заинтересовался. Она, судя по всему, этому не слишком огорчается, и с заин-

тересованным видом проверяет тетрадки – все меньше до- мой тащить.

За второй партой в среднем ряду сидят дружественные нам силы – Ольга Геннадьевна, учитель истории и обществознания. Она из молодых. Взгляды в хорошем смысле прогрессивные. Хотя не без присущего юности либерализма. В прошлом году мне пришлось с ней тесно общаться, потому что она вела историю в моем шестом «В». Я бы подсел к ней для дружеской беседы с легким налетом эротизма. Но она не одинока. Сейчас придет Вова Уткин, ее собрат по цеху. Поговаривают, что у них там производственный роман. Или служебный. Не знаю как правильно, надо у жены спросить, не специалист я в таких вопросах. Но то, что там нечто есть такое эротическое, очень может быть. История сближает не только страны и народы. Как человек в большем возрасте, на четвертом десятке, по-отечески, всячески желаю им счастья. Ребята они хорошие, и непонятно каким ветром занесло их в наши пенаты. Надеюсь, Вова в этом году возьмет на себя супружеские обязательства и Олечка выпорхнет отсюда на свободу с чистой совестью и каким-нибудь очаровательным малышом.

Нет, везет все-таки женщинам. Смысл жизни, как и забота, сваливается на них сам собой. И только мы с князем Мышкиным в этом хороводе жизни не можем в отличие от женщины и самой последней мошки отыскать свое место.

Рядом с дверью сидят силы уже нам не совсем друже-

ственные. Госпожа Шимановская – француженка, но, как вы понимаете не потому, что она прям с городу Парижу. Ее соседки – приятельницы, англичанка Дударева и биологичка Лариса Алексеевна. Они меня презирают, я их тоже. Да их собственно все презирают. Директорские подстилки. В метафорическом смысле, естественно, не как с Бесчастных. Кадровый резерв.

Постепенно кабинет заполняется. Со мной усаживается Трофимыч – физрук. Хороший дедок. Из Щукарей. В школе, наверное, как в партии, с 1896 года. Не знаю, каким он был в молодости, но роль хитроватого старичка из народа освоил в совершенстве. Ампула настолько классическое, что с ним примирились даже Палыч с Сигизмундычем. Маленький и тщедушный, ходит он неспешно с неизменным свистком на шее, болтающимся поверх олимпийки. Вреда от него никакого, равно как и пользы. Ребят он гоняет, но не так чтобы слишком. Физкультура, которую он ведет, обеспечивает ему стойкую репутацию. Негативную в малом количестве школьной популяции – среди отличников и толстух. Позитивную – у большинства, энергичных, подтянутых дуболомов обоего пола. Трофимыч из года в год обеспечивает школе призовые места по баскетболу и шахматам на районе, поэтому начальство его ценит и ставит в пример более молодой Елене Станиславовне, которая ведет уроки физкультуры в классах поменьше.

– Слышь, твои-то опять без формы ходят, – сразу, без оби-

няков, заявляет мне Трофимыч.

– Моих теперь нет. Шестой, пардон, седьмой «В» теперь не мой, – отвечаю я ему.

– А чей? – изумленно спрашивает он. По его морщинистому лицу и глазам я вижу, что он что-то там такое припоминает из слышанного еще летом на последнем педагогическом собрании.

– А кто ведает, – откликаюсь я, между тем все отлично зная, но не желая вести разговор о своем бывшем классе.

От Трофимыча еле слышно пахнет табаком и несет легкой стариковской кислинкой. Но, как по мне, этот запах много приятней той фабрики дешевых духов, которая окружает каждую из наших дам. Трофимыч продолжает дальше что-то рассказывать из своей педагогической практики, ассоциативно переходя от Яблонской и Петракова из 6 «В», на дела давно минувших дней. Рассказывает он обычно живо и с юморком, но я сегодня слушаю вполуха, лишь изредка кивая и поддакивая для приличия.

Между тем, постепенно, кабинет набился, едва ли не битком. Какое-то время стоит гул разговаривающих между собой учителей, но он сразу же смолкает, как только в дверь всплывает начальство.

«Мы с Тamarой ходим парой»

Сигизмундыч и Палыч как Тру-ля-ля и Тра-ла-ля, или графини Вишенки из «Чиполлино». Всегда вместе и всегда неразлучные. Сиамские близнецы административного

ресурса. Мне порой даже трудно представить их порознь. Поэтому в те случаи, когда мне приходится разговаривать с каждым из них по отдельности, я испытываю легкий дискомфорт, меня всегда сопровождает ощущение, что чего-то не хватает, что кабинет, в котором мы сидим, без кое-кого неполный.

В этой паре трудно определить, кто главный. Формально, конечно, Палыч. О своей руководящей и направляющей роли он спешит заявить при каждом удобном случае, независимо от того, какого рода разговор случается, официальный или нет, прилюдный или так, с глазу на глаз. Однако, сдаётся мне, что тот, кто и в самом деле пуп земли, особо об это не распространяется – и так все ясно. Есть, свербит Палыча темная мысль, о том, что Сигизмундович по факту главнее и держит все ниточки сложной педагогико-административной игры в своих руках.

Это отчасти объяснимо. В свои пятьдесят, Сигизмундыч уже успел где-то подиректорствовать. Да не в одной школе. Сидел, поговаривают, даже на хорошей должности в отделе образования. Но вся эта блестящая карьера с течением времени свернулась также, как и у Павла Ивановича Чичикова. Как утверждают, опять-таки злые языки, а уж таковых у нас всегда хоть отбавляй, по совершенно тем же причинам. Власть и презренный металл развратили Сигизмундыча абсолютно, настолько, что, в общем-то, даже в наш толерантный век его сослали за грехи и нецелевое расходование

средств туда, куда Макар телят не гонял, то есть в нашу школу. И вот, пользуясь своим опытом и возрастом, на десяток лет был он старше Палыча – моего ровесника, забирал он власть в свои руки, и как было видно даже мне невооруженным взглядом, планировал свое возвращение с острова Эльбы на командные высоты городского образования. Страшный человек. Мне Палыча даже было отчасти жалко. Хотя это, наверное, совершенно излишний гуманизм. Будучи человеком недалеким и жадным, последний сам не подозревал анекдотичности своего положения. Хотя, кто знает, не такой уж он идиот все-таки, раз заполз на директорское место. Как бы то ни было, в педагогике Палыч разбирался как свинья в апельсинах, и один Бог ведает, каким ветром занесло его к нам из управления культуры, в котором он обитался до этого своего первого директорства. Впрочем, в материальном плане особо жалеть его было нечего. Машинка у Палыча вполне неплоха, да и вообще жизнь в материальном плане в шоколаде. Возглавив школу, он быстренько приспособил свою жену на место психолога. Я даже и не знал, как она выглядит и как ее в точности зовут-величают. Да что там я, почти никто из наших учительок ее не видел, – насколько часто она являлась на работу. Но денюжку получала исправно, чем бесила наших дам невероятно. Вслед за женой перевел он в школу и своих многочисленных отпрысков – числом аж четыре штуки. При таком обилии маленьких Палычей (все сыновья, сыновья), я даже удивлялся тому, что

не попал ни на одного из них. Двое учились в началке, один в средней параллели, в классе, который как раз был закреплен за Светланой Сергеевной, а другой в 10-м.

Сперва я думал, что это сделано так, для удобства и лучшей успеваемости, сыночки Палыча умом не блистали, и в предыдущей школе из троек почти не выбирались. Но потом оценил все глубину замысла нашего великого кормчего. Насадив своих чад едва ли не по всем параллелям, Палыч, не только улучшил их успеваемость, но и получил дополнительное средство контроля над школой. Не было нужды в стукачах извне. Собственные детишки успешно поставляли информацию обо всех училках в необходимом объеме. Идеальный, практически тотальный контроль.

И как я только прошел сквозь сито? Непонятно. Чудо, чудо господне. Жизнь в прорехах. Мы – Крысы из нержавеющей стали.

Ну ладно, что-то я расписался. Это все лирика. Пора переходить к тому, ради чего нас собрали.

Сигизмундыч с Палычем уселись за столом и начали вещать. Поначалу шла текучка, все жеваные-пережеванные из года в год вопросы. Подготовка классов к новому учебному году, благодарности за Первое сентября (отметили всех любимчиков, за бортом остались Сергей Сергеевич, трудовик, без которого ничего бы не стояло и математичка Светлана Анатольевна, дрючившая все последние дни августа горе-чтецов и учащихся, выступавших на концерте с номера-

ми). Напомнили о необходимости пересмотра рабочих программ.

– Всех попрошу зайти ко мне сегодня-завтра, – прокричал Сигизмундович. – Нужно будет выполнить все по новому образцу, есть изменения в часах. Это и вас касается Ольга Геннадьевна и Владимир Валентинович.

Ясно, опять обществоведам чего-то подрезали.

– Николай Петрович, Татьяна Николаевна, – мы аж встретились. – Не забывайте, в ваших классах в этом году ГИА, так что начинайте плотную подготовку уже с сентября месяца.

– Да-да, конечно, Геннадий Павлович, – откликаюсь я бодро с последней парты. Энтузиазм в голосе! «Готов служить!»! Смело мы в бой пойдем! Ваши приказания будут выполнены, господин директор!

Да уж, с ними наготовишься. Ну да кого это сильно интересует. Главное бодро отрапортовать и показать готовность к выполнению любых задач и поручений. «Человек – это животное, способное на все». А выполнять их или нет – это уже дело десятое. В принципе, все и так знают, что высоких результатов ждать не приходится. Да они, в общем-то, и не особо нужны. Главное, чтоб завалов не случилось. А это вещь посильная, если тот же Сигизмундович, великий спец по информатике, не будет лезть со своими дурацкими советами в нашу, словесников, епархию. Ребята у нас, не ахти, настоящие троешники. Но дурь из них повывести нетрудно, если

заниматься делом, а не педагогическими технологиям.

– Николай Петрович, пусть они у вас приобретают сборники заданий по сдаче ГИА. Скажите учащимся и передайте родителям, хотя бы через классных руководителей.

«Ну, вот уже началось», – подумал я. – «Без сопливых разберемся. Кому, чего и как». Но вслух, естественно, не сказал. По большому счету это вообще можно было мимо ушей пропустить, прокаркано ведь не для дела, а для удовлетворения начальственного восторга. Помни, Коленька, кто здесь самый главный. Да уж не забыл.

Слово снова взял Палыч:

– А теперь перейдем к главному, к вопросам рейтинговой оценки преподавателей учащимися в процессе внутришкольного мониторинга по оценке качества. По этому поводу попросим высказаться Анатолия Сигизмундовича.

Училки все обратились в слух. Зашуршали ежедневниками, ручку наизготовку – стенографировать, ловить святое слово дорогого руководителя. Сигизмундович ради такого поднялся и протелепал к учительскому столу, за которым обычно сидела Людмила Ивановна, хозяйка кабинета, развернул свои бумажки, похрустел ими и забубнил про то, что надо переходить к новым методам работы, открытости, субъект-субъектному взаимодействию в процессе обучения и к адекватной форме оценки качества оказания образовательных услуг. Слова «эффективный контракт», «министерство образования» так и замелькали.

Смысла приводить здесь его речь нет никакого. Чай не Сталин «Братья и сестры». Да и особым ораторским мастерством Сигизмундыч не блистал: многолетняя бюрократическая практика научила говорить его долго, блекло и пафосно. Суть выступления сводилась к следующему: задули ветры перемен, новое, теперь уже педагогическое, мышление и все такое, мы – оказываем услуги, потребители их оценивают. Про потребителей, конечно, не звучало, это я сам уже тут пишу, но смысл примерно такой. «Надо разработать рейтинговую шкалу и продумать пункты, по которым будет осуществляться оценка преподавателей». Прямо так и сказал: «продумать пункты»

«А веревку и мыло с дому принести не надо?» – так и подмывало спросить меня.

Трофимыч легонько ткнул меня в бок: «Мы что, ради этой хрени собрались?». Я кивнул и ухмыльнулся: «а как же!».

Послать бы Сигизмундыча на три веселые буквы с его рейтингом, но у наших баб голова работает в другую сторону. Они уже во все катушку начали обсуждать, кого и как оценивать. Впрочем, голос разума сегодня не дремал.

– А зачем все это? – задала витавший в воздухе вопрос математичка Анна Николаевна.

«Вот молодец, наследница тоталитарной педагогики» – подумал я про себя. – «Прямо в точку лупит. Сталинская прямота и четкость. Ходячий атавизм народной демократии». Впрочем, дело было не только в этом. Возраст у Анны Нико-

лаевны уже несколько лет был как пенсионный, пенсию с со-беса носили регулярно. Дочка у нее руководила чем-то в мо-лочной компании (все магазины в городе ее продукцией за-товарены) и зарабатывала дай Бог каждому. Поэтому за свое место математичка не особо держалась. «Да пропади оно все пропадом» – говорила она мне в минуты откровенности, ко-гда я забежал к ней в кабинет на второй этаж проведать. – «Разве ж это работа?»

– Анна Николаевна, – одернул ее Палыч. – Опять вы за свое. Вы же педагог с громадным стажем. Могли бы по-нять, что школа не должна стоять на месте. Надо двигаться в ногу со временем. Таково новое требование педагогики. Все школы уже перешли на рейтинговую оценку преподава-телей учениками и родителями, одни мы...

Про педагогику Палыч, положим, мог бы и помолчать. Не ему поучать Анну Николаевну, с ее-то многолетним опы-том работы.

– А если все пойдут топиться, мы тоже как все будем? – поинтересовалась Светлана Сергеевна.

– Что за глупости? – подхватила знамя протеста молодежь в лице Вовы Уткина (пряма так и сказал, о молодость, о дер-зость!). – Выборы в окопах. Мы же знаем, чем это закончи-лось.

Олечка с восхищением смотрела на своего трибуна рево-люции.

Еще немного и власть Временного правительства падет?

Впрочем, это вопрос чисто риторический. Минутка демократии завершилась быстро. И вот уже вместо Сигизмундыча затараторила Лариса Александровна, завуч по воспитательной работе, типичная посткомсомольская метелка одноразового использования. Раньше таких отправляли в вожатки, хороводить дружиной. Теперь они отвечали за досуг школьников. Весь вид ее соответствовал функциональному назначению. Зайдите на сайт любой школы, увидите, что их прям будто в одном инкубаторе выращивают, этих самых завучей по воспитательной работе. «Come on Barbie, let's go party».

– Давайте не будем попусту спорить товарищи, а лучше разберемся, кто за что будет отвечать. Ребятам, а это классы с пятого по одиннадцатый...

– С пятого? Да они ж сопляки совсем, – не унималась Анна Николаевна.

Некоторые рассмеялись. Это верно. Ученик нынче пошел с гонором, но такой несамостоятельный.

– Анна Николаевна! Выбирайте выражения, – сделал замечание математичке Палыч.

– Так вот, – продолжала Лариса Александровна. – Они будут только заполнять листы, но их еще нужно разработать.

– А что, пускай сами и разрабатывают, – внесла свои, пять копеек, уже географичка Светлана Викторовна.

– Ну что вы такое говорите, Светлана Викторовна, – посоветовал Сигизмундыч. – Они же еще маленькие.

– Оценки ставить преподавателям большенькие, а разработать анкету или как там ее, таблицу, маленькие?

Но Лариса Александровна упорно продолжала:

– Так вот мы здесь посоветовались и решили вынести следующие кандидатуры на составление пунктов анкеты: Бурцева Людмила Ивановна, Чухлонцева Екатерина Сергеевна и Матвеева Ольга Геннадьевна.

Ха, Олечку накрыли.

– Анатолий Сигизмундович, я не могу, – забеспокоилась Ольга Геннадьевна.

– Почему?

– По принципиальным соображениям. Я вообще против этой идеи.

О, как завернула «по принципиальным соображениям». Какая молодежь растет! С другой стороны, а что еще скажешь? «Неохота», «Вы, ребята, тут идиоты все»? В принципе последнее и сказала, только культурно, себя выделила – принципиальная, а никого не опустила. Тонко.

– Ольга Геннадьевна, это же несерьезно. Вы все-таки преподаватель обществознания, кому как не вам здесь приложить свои теоретические знания?

– Это скорее к социологам. А я историк по образованию.

– Какая разница. Кроме Вас больше некому, так что возражения не принимаются. Да и остальные ваш самоотвод не поддержат.

Не, остальные точно не поддержали. Ольга еще что-то

бурчала и пыталась сказать.

Но к ней особо не прислушивались.

Лариса Александровна:

– Давайте определимся с кандидатурами. Есть возражения? Может быть, кто-то хочет тоже поучаствовать?

Само собой никто не хотел. В такого рода делах педагоги удивительно похожи на своих учеников – полная пассивность, принцип «лишь бы не меня». В результате проголосовали как надо. Большинством скорее послушным, чем агрессивным. Я, Трофимыч и Светлана Викторовна воздержались. Анна Николаевна вовсе не стала поднимать руку, всем видом демонстрируя несогласие с произволом администрации. Олечка с Вовой высказались против. В общем, список утвердили. Цель достигнута. И картина в протоколе хорошая: есть и против, и воздержавшиеся – демократия, свобода, гласность.

– Ну что ж, тогда повестка собрания исчерпана. Все могут быть свободны, кроме членов группы, которая займется составлением вопросов мониторинга, – подвел итог Сигизмундович.

Мы, наконец, выползли на волю.

– Во дают, – ухмыльнулся Трофимыч. – Анна сегодня что-то совсем разбушевалась.

– А толку-то.

– Да хоть позабавились, все не зря сидели.

– Я бы лучше «Санта-Барбару» посмотрел дома на диван-

чике.

– А что, она еще идет? – не понял шутки Трофимыч.

– Да, нет, это я в том смысле, что дома лучше.

– А, это... Кто ж спорит?

На том и разошлись. Я включил мобильник. Жена уже успела позвонить раза три. Плюс два звонка от дочери. Это одно и то же. Забота.

И смс напоследок, как пинок для скорости: «Сколько можно заседать! Купи сосисок на ужин и туалетное мыло обязательно».

Есть, сэр!

4 сентября

Вчерашняя запись получилась довольно большой. Пришлось делать ее в два присеста. Вечером начать, а заканчивать сегодня. Для этого я взял тетрадь с собой в школу. Все равно у меня окно. Равно – окно. Вполне учительские вирши. Как ни странно в пустом кабинете пишется намного лучше, чем дома. С одной стороны, время подгоняет – через сорок пять минут следующий урок. С другой стороны, ничто не отвлекает – ни телевизор, ни вечный непрекращающийся поток новостей и интеллектуальных озарений от жены, ни дочь Маша с очередной порцией малолетних музыкальных дебилов отечественного производства из колонок на всю квартиру. (Таня запретила слушать музыку в наушники, вычитала где-то в интернете, что это ведет к преждевременной потере слуха). Раньше Маша демонстрировала полное безразличие к сладеньким поп-мальчишкам и не стоящим на ногах рокерам отечественного производства, а теперь поддаюсь групповому давлению: все в классе слушают, не хочется выглядеть белой вороной, надо приобщаться к культуре.

Пустой наполненный творческим молчанием класс и чистый тетрадный лист перед собой. Теперь я понимаю стариков, которые глядят на тебя со стены кабинета литературы. Строка сама льется из тебя, и твоя задача всего-то в том и состоит, чтобы направлять ее в нужном направлении. Это

как поливать из шланга. Или еще из чего-нибудь поливать...

Пишу я быстро, но времени запечатлеть все события прошедшего дня все равно еле-еле хватило, потому что в начале несуществующего для меня урока ко мне пришла Екатерина Сергеевна Чухлонцева. Одна из тех, кому доверили или поручили, можно сказать по-разному, составлять этот проклятый список.

Быстро же завертелись маховики-колеса инноваций на местном уровне.

С Екатериной Сергеевной за два года моего пребывания в школе мы как-то особенно близко не сошлись, хотя, как правило, соседствуем кабинетами. В том году сидели рядышком на втором этаже, в этом переехали вместе на третий, где у меня в основном идут все уроки. «Здрате, здрате,» – это обязательный для нас обоих каждое утро ритуал. Я здороваюсь, проплывая мимо ее открытой двери. В школе она появляется раньше меня. Но удивительно даже не это, а то, что с самого утра у нее в кабинете толкуются ребята. У Екатерины Сергеевны двое детей. Классика – мальчик и девочка. Беленькие, как и она. Тоже спокойные. Девочка постарше – восьмой класс, если не ошибаюсь, мальчик заканчивает началку. Вежливые и покладистые. Темперамент такой же, как и у нее. Екатерина Сергеевна, как правило, невозмутима и по большей части молчалива. От нее веет мягким безразличием, какой-то обволакивающей лентой. Пухлые белые руки. Руки убийцы. Это я опять пошутил.

Хотя как сказать. Говорят, что у каждого врача есть свое кладбище, а какое кладбище у нас, преподавателей, это один Бог ведает. Сколько юных душ загубили, сами не знаем. Может статься, что и всех. Одна радость – никто не видит. Только кольнет иногда совесть, когда вот так вот сидишь в пустом кабинете. Но не всех.

– Николай Петрович, я к вам.

Она неспешно подошла к моему столу и мягко села за первую парту. Уверенно и привычно, словно делала это каждый день. Улыбнулась. В юности ее улыбка, должно быть, была очень хороша. Такие улыбки подкупают. А сейчас это просто доброе расположение женщины на пятом десятке.

– По какому поводу?

– Да все по тому ж, – вздохнула она. – Вчерашнему. Вы же видели, Анатолий Сигизмундович поручил мне составить анкету.

Я сразу подметил: «Анатолий Сигизмундович». Это почти как пароль среди наших, среди своих, адекватных. Школьный Краснодон и Армия Трясогузки вместе взятые. До «красных дьяволят» мы еще не доросли. Водораздел между нашими и ненашими в школе, нормальными людьми и так, директорской шушерой, пролегает собственно в этой плоскости. Нормальные и наши откровенно признают, что главным в наших пенатах является Сигизмундыч. Жопы и прочая окоلودиректорская шелупонь делают вид, что верят в великого абсолютного монарха – Палыча, никогда

не признают что на самом деле у нас монархия конституционная, что все в школе делается по слову Сигизмундовому.

Умная женщина. Одним росчерком дала понять: «Спокойно, свои». Я расслабился. Почти. Доверять нельзя даже себе самому. Но и то хорошо, что дальше можно разговаривать без всей той показухи, за которую обязательно надо держаться в официальном общении: «Я как и весь советский народ поддерживаю и горячо одобряю...» Можно разговаривать о деле, не занимаясь пустыми славословиями в адрес того, кто их не заслуживает и вряд ли когда-либо заслужит их в дальнейшем.

– Конечно же, видел, и даже слышал. А что?

– А я к вам за помощью.

Как все у них просто. Вот моя бы жена ни к кому так запросто бы на работе не подвалила. Это я точно говорю. А тут «я за помощью» и подкупающая улыбка.

– Вы же такой умный, Николай Петрович. По вам сразу видно.

Это уже сладеньким помазали. Елей пошел. Нет, действительно мудрая женщина. Собирается залезть на меня, запрячь и поехать по собственной нужде, а все с лаской, с добрым словом. Нашему руководству у нее бы поучиться. Стоит ли удивляться тому, что ребята ее так любят, и бегают к ней задолго до уроков.

– Вы все-таки, наверное, не по адресу, – говорю (вот еще не хватало чужими делами заниматься) – у меня же русский

язык и литература.

– Вот и поможете сформулировать.

– Смеетесь вы надо мной Екатерина Сергеевна, – покачал я головой. – Неужели сами не составите грамотно и как положено? У вас же та же филология.

– Сформулирую. Но я по-женски, – опять улыбка. – А вы все-таки мужчина начитанный.

Лесть, конечно, копеечная. Но зато какая действенная. В жизни вообще все простые вещи самые действенные. Тут даже крутить особо ничего не надо. Так в сказках с незапамятных времен пишут, так и нынче. Не в уме между людьми разница, а в умении. Один человек умный, а дурак дураком как за устройство жизни возьмется. А другой, вроде не семи пядей во лбу, а так ловко дела ведет, только шуба со свистом заворачивается.

Просто жить на свете таким как Екатерина Сергеевна. Она всего добрым словом и так добьется без всякого пистолета. Ей бы в завхозы вместо Марии Степановны – все бы пробила что надо и не надо. Заходила бы вот также в кабинетики и мило улыбалась. «А ты помоги мил-человек, помоги, Бог тебя и наградит».

– Вы же знаете, я этой инициативы не одобряю, – решил я поиграть в олежкины игры, сходить в несознанку.

– Так и я не одобряю, – парировала она. – Уверена, что она никому вообще не нравится. Но сделать надо. Что вам стоит Николай Петрович? Сами же знаете – побалуются ра-

зок и забудут. Это ж бумажка и больше ничего.

– Вы так думаете?

– Ну конечно. В первый раз, что ли, подобные вещи у нас затеваются – бросила она и добавила. – Вы не беспокойтесь. У меня уже и начато. Я к вам не с пустыми руками иду. Давайте посмотрим.

Отказывать прямо в лоб вот так я не стал. И дело совсем не в том, что я не способен сказать «нет» человеку. Да очень даже способен. Просто оснований для твердого отказа нет. Наше время такое, когда ничего до конца не знаешь, ни в чем не уверен. Ни да, ни нет. Плохое время, неопределенное. Все качается и ходуном ходит под ногами, как на болоте, ни одного места твердого и прочного. Можно, конечно, рогом упереться, проявить принципиальность. Но благодаря принципиальности, в конечном итоге, и пролетишь. Не всегда путь к истине и правде самый короткий. Иногда бредешь до нее извилистыми путями, и то, что кажется неверным, выводит к самому, что ни на есть правильному. Ладно, посмотрю я ее писульки, ведь и в самом деле, это она делает, не я. Проявим лояльность, покажем способность идти на контакт. Нас ведь так теперь все поучают. На контакт надо идти, на контакт с учеником. Екатерина Сергеевна, пусть и не ученица, но тоже вреда может сделать много. Люди – опасные вещества, взрывчатые или радиоактивные.

– Хорошо, давайте сюда, посмотрю. Вам прямо сейчас надо?

– У вас сейчас нет урока, насколько я поняла.

– Да, я свободен.

– Можете за это время посмотреть?

– Могу, давайте.

– Спасибо Вам, Николай Петрович, я вам так обязана – она протянула мне пару листочков.

– Да что вы, Екатерина Сергеевна.

Прозвенел звонок.

– Тогда я зайду к вам на следующей перемене?

– Да, конечно.

Она ушла на урок, а я остался с ее листочками. Распечатка, старый принтер, видно едва-едва, бледно, да еще и полосы. Смотреть их не было никакого желания. Я глядел в задумчивости в стену, не в силах опустить взгляд, и начать работу. Скорее всего, так и есть, забава на один раз. Здесь даже голову напрягать не стоит. Чем бы начальство не тешилось, лишь бы не плакало.

Я пробежался глазами по ее нехитрым замечаниям. Все ожидаемо. Внешний вид, культура общения, владение предметом, умение объяснить материал, использование технических средств. Екатерина Сергеевна прошла по всем главным пунктам нашей новаторской педагогики. Может быть, даже с сайта с какого-нибудь скачала. Сомнительно, что сама такое за вечер выдумала. Тут надо целым институтом с хорошим бюджетом работать.

Для чего ей понадобилось ко мне обратиться? Наверное,

повод, чтобы заранее заключить пакт о ненападении. Мы – свои, мы – друзья. Но зачем ей это? Сигизмундыч с Палычем к ней безразличны, в оппозиционной деятельности не замечена. Никаких должностей и выборных постов не занимает, соответственно в поддержке особо не нуждается. Так, на всякий случай?

Я сделал несколько стилистических поправок в трех-четыре пунктах, исправил одну орфографическую ошибку, надо же показать, что проявил интерес к опросу, отложил листочки в сторону и занялся своими записями.

Следующий за «окном» урок пролетел незаметно. А как быть иначе, если сам взялся за дело – вводный урок, новая тема. Тут многое от тебя зависит, рассказывай да рассказывай, только рты успевай затыкать тем, кто отвлекается. Это когда ведешь опрос – время тянется. Оно и понятно, если литература, то текст никто не читал, а по русскому лучше отделяться от горе-учеников чем-нибудь тестовым. Так меньше травмируешь собственную психику.

Иногда, в минуты глубокого отчаяния, я думаю, что и литература в тестах вовсе не такое плохое дело. Знаю-знаю, надо научить говорить, мыслить. Один вопрос – кому надо? Особой потребности в мыслящих я в последние годы вокруг себя не замечаю. Да и по телевизору вовсе не академики вещают. Нам бы исполнителей, исполнителей. Исполнителям, конечно, тоже нужна мысль, но не та, что заложена в «святой русской литературе». Нет, надо бы вовсе запретить препода-

вание литературы в школе.

Отрубив свое, я засобирался. Все, на сегодня с меня хватит. Разумное-вечное посеял, не взойдет, правда, ну да это уже не моя забота. Доброе дело во имя зла сделал. Квесты выполнены, уровень пройден. Сохраняем игру до завтрашнего дня и домой-домой со всех ног.

– Николай Петрович!

В дверях маленькая, худенькая, ни дать ни взять – подросток, Ольга Геннадьевна. Черт, надо было побыстрее сбрасывать в сумку свои манатки, а не копать. Сделал дело, гуляй смело.

– Вы уже уходите?

– Не просто ухожу, а убегаю со всех ног, Ольга Геннадьевна.

– Торопитесь куда-то?

Лицо востренькое встревоженное, глазешки так и хлопают подведенными ресничками.

– Ага, домой.

– Не задержитесь на секундочку? Вы мне ужас как нужны.

– Не задержусь. Тем более раз ужас. Сейчас сюда следующий класс придет.

– А, поняла, давайте тогда ко мне пойдем. У меня уроки кончились, и никого нет.

Звучит заманчиво.

– Что у вас случилось? – спросил я уже по дороге.

– Да я все с анкетой этой проклятой. Меня же назначили, –

раздраженно замахала она руками.

Нервная. Культурная-культурная, а нервная. В истерике, наверное, страшна, подумал вдруг я. Худая, маленькая, обязательно должна быть неудержима в гневе. Но это так, неподтвержденная гипотеза, поскольку видеть ее в крайнем гневе и раздражении мне еще не приходилось. Так только, легкая форма случилась пару-тройку раз в том году.

Анкета. Что они все как с цепи сорвались? Им вчера только поручили, а они уже носятся с ней как угорелые. И еще подумалось. Ольга Геннадьевна – это последняя. Хоть Людмила Ивановна ко мне не придет. Недолюбливает. А так, терпи. Бремя умного человека. Слушать тебя особо не хотят, но если какое дело завертелось, то без тебя точно не обойдутся.

Мы спустились к Ольге Геннадьевне.

Хорошо у нее в кабинете. Сторона в отличие от того класса, в котором я в основном занимаюсь в этом году, солнечная, да и побелили, покрасили в светлые тона. Приятно находиться, не то, что в кабинете литературы, который напоминает каморку Раскольниковова. Даже в этом историки выше нас, филологов.

Мы уселись за одну из парт. Ольга Геннадьевна, судорожно пометавшись по своему столу, сунула мне листочки с анкетой. Одного взгляда было достаточно, чтобы увидеть, что это практически тот же самый вариант, что и у Екатерины Сергеевны. Правда, качество печати лучше. Ну точно, с интернета скачали. Хотя если у нас задания для внут-

ришкольных олимпиад с каких-то левых сайтов набирают, что тут удивляться. Здесь тем более – сам бог велел. Кому хочется свою жизнь на пустыки тратить? Для галочки делаем. Как на это все посмотрят проверяющие? Я вспомнил фильм «Заводила», где группа поддержки, ведомая Кирстен Данст, вместе с другими командами представила публике одну и ту же программу. Здесь почти такой же случай. Но теперь нынче везде и во всем так. Законы с чужих перебираем, что уж говорить об остальном. Наш устав школьный тоже, говорят, Сигизмундыч где-то в интернете скачал. Впрочем, кто будет разбирать? Его ж никто никогда не читал и не прочтет. Разве мы по уставу живем? Мне кажется, никто уже давно ничего нигде не читает. Даже проверяющие. Они тем более. Приезжают – «и садятся все за стол, и великий пир пошел».

Ольга Геннадьевна выжидающе смотрит на меня.

– Где-то я уже это видел, – говорю я.

А сам думаю: что она мне на это скажет. Смотрю за реакцией.

– В смысле?

– Чухлонцева мне сегодня показывала практически то же самое.

– Так я это с Интернета взяла, – ей как будто становится легче (не заморачивается молодое поколение, откровенно и бесстыдно, что естественно, то не безобразно). – Тем лучше. Значит, споров будет меньше.

Как все запросто у нее. Действительно, почти подросток. Но за этой подростковостью та же женская линия. Между олечкиным цинизмом, отсутствием стеснительности, к которым я уже привык, и обволакивающей мягкостью Екатерины Сергеевны много общего.

Женщины. Иногда мне становится нестерпимо жаль их. И это не жалость свысока, мол, убогие создания. Это сожаление о чем-то несбывшемся. О некоем несвершившемся обещании, неосуществленном идеале. Нет, не о блоковской незнакомке. Даже в ней слишком много этого жалкого женского. Очарованная даль против пьяниц. Это как раз очень по-женски. Всегда против, всегда в противовес. Не из себя, самостоятельно в силу своего разума, а именно в противовес. На публику. Это катастрофическое соотношение слабости и зависимости больше всего отталкивает в женщине. Ну вот зачем они обе прибежали ко мне сегодня? Для чего им я понадобился? Хватали бы свои бумажки и бежали бы сразу к Палычу и Сигизмундычу. Нет, им обязательно нужна санкция самца. Твердая почва, от которой они оттолкнутся и двинутся дальше.

Эта робость, соседствующая с необыкновенной плоскостью мышления и самоуверенностью, произрастающей от противного, меня в женщине удручает неимоверно.

Женщина вообще несуразна. И не только на своем жизненном излете, когда она бочкообразная с разросшейся грудью и распухшим телом начинает брать всех вокруг сво-

ей добротой. Молодая женщина, девушка – столь же несуразны. Когда я гляжу на них, то думаю, что им очень мешает тело. Оно просто обременяет их. Даже такое маленькое и невыпуклое в положенных местах мальчуковое, как у Ольги Геннадьевны. Вся жизнь женщины – это борьба с собственным телом, с грудями, с истекающими ежемесячно жидкостями. Женский дух томится в теле как в темнице. Здесь какая-то насмешка природы: эмоциональная, порывистая, романтическая, она прикована к земле своей тяжелой округлой плотью, предназначением породить плоть, изнуряющей всю ее жизнь промежуточно. В этом стремлении украсить свое тело восприятие собственной плоти как чего-то чуждого, выражается ярче всего. Так украшают елку, так делают ремонт. Белят, клеят обои, красят. Не зря все это в народе называют штукатуркой. Женщина лишена цельности, и она отделяет свое тело как нечто внешнее. Собственно во всем, или почти во всем, что кажется важным по сути, по бытию, она проявляет эту легковесность, отчужденность, склонность не к творчеству, а к украшательству.

И эта история с бумажкой Сигизмундыча совершенно женская. Зачем, для чего она? – такие вопросы не стоят перед ней, они просто редко закатываются в ее головку. Женщина не видит здесь принципиального момента. Поэтому она ставит галочку. Поэтому она ищет не пути решения вопроса по существу, а способа скрасить, то, что ей показалось неприятным или неверным, неправильным, неэстетич-

ным. Анна Николаевна, которая разбушевалась на собрании, в этом смысле женщина нетипичная. А может быть уже и вовсе не женщина. Это вполне возможное объяснение. Со старостью женщина становится более цельной, потому что перестает быть женщиной. Бабушка, старуха – это словно вид другой. Впрочем, верхоглядство никуда не уходит, оно остается и в старости, теряя в выпуклости и неестественности. Тело усыхает, пропадает огонь. Истлевшее всегда выглядит цельным.

5 сентября

Сегодня суббота. Наверное, я люблю субботу. Во-первых, потому что пусть это и рабочий день, но уроков сегодня немного – всего два. Во-вторых, у меня все начинается с третьего урока. Теоретически можно поспать. В-третьих, Тане, это жена, тоже не надо спешить в свою контору. Однако она встает, рано, как обычно, чтобы проводить Машу. Для дочери сегодня обычный учебный день, и ей надо тащиться в школу также, как и в будни. Они вдвоем негромко шумят на кухне, готовят завтрак. Слышен шум воды, позвякивание крышки от чайника, шуршание оберток – открывают печенье и пробуют конфеты. Я, пользуясь привилегией субботнего дня, сижу в спальне, не мешаюсь под ногами. Как только все сделают, они обязательно меня позовут. «Не готовить же завтрак двоим отдельно», – в этом жена абсолютно права.

Ждать приходится недолго. Не успел я пробежать глазами и двух страниц в книжке, как раздается знакомое: «А тебе что, особое приглашение нужно?»

Резко, но действенно. Я захлопываю книгу и отправляюсь на кухню, дабы принять участие в утренней общесемейной трапезе.

Кухня у нас небольшая, небогато обставленная, как и положено интеллигентной семье, не обремененной вещизмом и материальными возможностями. В уголке четырехконфо-

рочная печь с духовкой, которую жена стянула из своей старой квартиры. В полную силу из четырех конфорок работает только две, да еще духовка нормально печет. Некомплект, но нам хватает и этого. Сварить картошку или суп на семью из трех человек – многого не надо. Таня периодически поднимает тему обновления кухонной техники. Разговор обычно заканчивается ничем – бюджет пуст и, напротив, нуждается в постоянном секвестре. И так уже, как и правительству, приходится экономить на социальных расходах. Жена отказалась от косметики и регулярных походов к зубному, я от своих книжек и журналов, Маша перестала ходить на музыку.

На кухне мы вместе собираемся за столом нечасто и, как правило, совершенно случайно. Обычно обедаем перед компьютером или телевизором в зале. Некоторые, вроде моих отца с матерью, имеют телевизор еще и на кухне – маленький такой бормотунчик, заменяющий радио из детства. У нас не только по причинам финансового характера, но и по принципиальным соображениям маленького окна в мир на кухне нет. На самом деле, это даже хорошо. Когда еще так вот посидишь в тишине втроем?

Возможно, за это я теперь и буду любить субботу. Семья за столом – классика. Маша пьет чай, мы с женой – кофе, естественно растворимый, бюджетный. Раньше у жены был бзик варить настоящий кофе, но опыт показал, что хоть это и вкусно, но обременительно и по времени и по финансам.

На столе пара купленных вчера булочек в каком-то подобии вазы, печенье, несколько конфеток – не очень вкусные, честно сказать, сплошной сахар и вязкий пищевой пластилин. Беззвучие, свежий холодок утра, пробивающийся сквозь окно, бодрые ранние солнечные лучи. В тишине это особенно хорошо. Но Таня на молчание не настроена, и магия тихого утреннего единения, почти храмовой тишины, разрушается ее болтовней. Я на нее действую как катализатор. Как видит меня, сразу же начинает говорить.

Сегодняшняя тема – зимнее обмундирование.

– Маше надо зимнее что-нибудь покупать. Она из своего уже выросла. Мы позавчера мерили, пока тебя не было. Да и надо ей что-нибудь не такое откровенно девчоночье по фасону, без кошечек и цветочков, что-то более взрослое, строгое. Ребенок-то вырос.

– Да-да, – соглашаюсь я с ней и, лавируя под градом ее слов, продолжаю впитывать в себя атмосферу необычного утра. Вроде ничего такого, пустяки, а мне почему-то нравится. Словно невидимая сила перетекает в тебя. Чувствуешь ее упругую пружинящую основу – семья за столом.

– Что «да-да?» – меж тем долдонит о своем жена. – Нужно определиться, когда пойдем по магазинам искать. В какие магазины идти тоже надо подумать. В детские, мне кажется, бесполезно, там и ростовки такой нет.

– Тань, в какой магазин идти, это тебе лучше знать. Я женское пока еще себе не покупаю.

– Все смеешься. А у ребенка зимней куртки нет. Говори, когда пойдем? Завтра?

– Завтра не получится. Во-первых, денег нет, зарплату только через месяц дадут. Во-вторых, мне завтра к родителям надо в сад съездить, помочь им вывезти кое-какое барахло.

– И ты мне только сегодня об этом говоришь?

– Почему сегодня? Я еще позавчера тебя предупредил, когда отец звонил.

– Не помню. Предупреждал? – спрашивает она у дочери. Всегда так делает в спорных вопросах.

Маша сегодня особенно задумчива и молчалива. Сидит себе в халатике, мочит печенюшку в чае, еще с раннего детства привыкла, и никак не отучится. А раньше, еще не так давно, годика два-три назад, она тоже щебетала не переставая. Рот не закрывался. Могла с мамой конкурировать влегкую и по силе голоса и по интенсивности речи.

– Что? А, нет, не предупреждал, – соглашается она, не спрашивая, о чем шла речь, с Таней.

Маша, скорее всего, вопрос даже не слышала. Витает где-то в облаках. Это я давно уже научился распознавать. Еще бы выведать, что за облака у нее там такие. Но автоматически согласилась с матерью. Всегда так делает, лет с пяти, как начали мы ее вовлекать в семейный совет по тем или иным вопросам. Не то из женской солидарности, не то из прагматических соображений. С мамой спорить – себе дороже. Папа

пообижается-пообижается, да и выкинет все из головы, а мама долго помнит.

Но, может, я и не прав. Твердой убежденности нет. Черт его знает, вполне вероятно, что и не говорил. Закрутился с этим проклятым первым сентября и пошло-поехало все из головы вываливаться.

– Коля. Вот видишь. Зачем меня за дурочку считаешь?

– Я не считаю. Просто был уверен, что сказал.

– Да у тебя всегда так. Признался бы честно.

– В чем?

– В том, что ты меня ни во что не ставишь. Что я для тебя как мебель, как предмет обстановки.

– Ну с чего это ты такое говоришь?

– Говорю. У меня же глаза есть. А ты и сейчас из меня дурочку делаешь.

Маша, замечая, что тихое поначалу утро грозит перерасти в полномасштабный скандал, предпочла ретироваться.

– Так, ладно, я пошла

– Иди-иди, – киваю.

Спасайся. А то мама сейчас разойдется не на шутку.

Пока Маша переодевается и прихорашивается перед зеркалом, Таня продолжает:

– Почему нельзя просто предупредить? Проявить уважение. Ведь у людей могут быть свои планы.

«Какие там у нас могут быть планы», – думаю я про себя. За неделю так набегаешься, что лежишь пластом два дня

на диване. Точнее, один. Нет ни сил, ни желания куда-нибудь ползти на улицу. Да и идти, по большому счету, некуда. Раньше, в детстве, мы каждое воскресенье всей семьей направлялись в кино или в гости. Теперь ходить в гости нет никакого желания, а в кино незачем. Вон по интернету все показывают, смотри, за всю жизнь не пересмотришь.

– И вот ты к ним в сад попрешься вместо того, чтобы как все нормальные люди провести выходные с семьей...

– Я бы и вас взял. Хотите?

– Ты еще издеваешься, – бросает она мне, выскакивая в прихожую, проводить Машу.

– Пап, пока, – машет мне дочь уже в плащике и берете с помпончиком из коридора.

– Пока-пока, – не вставая, отмахиваюсь я ей в ответ.

Жена целует дочь перед выходом. Дверь захлопывается, и мы остаемся с ней вдвоем в звенящей тишине утренней квартиры.

Она возвращается за стол.

– Ну зачем ты туда поедешь? Позвони, откажись, – уже спокойно просит она и берет меня за руку.

Объяснять ей, что это родители, и от них трудно вот так, просто отказаться, долго, мучительно и бессмысленно. Да и не в этом, в общем-то, дело.

– Я еду сейчас, чтоб потом не ехать, – наконец, цепляюсь я за ниточку лжи. – Они ведь сейчас только первую партию вещей и урожая вывезут. Потом еще в октябре поедут. Каж-

дый год одно и то же. Ты же знаешь.

Она сидит молча, ковыряя чайной ложкой в кружке.

Сразу и не поймешь, что там она думает.

Вдруг встает и обнимает меня.

– Коля, Коля, почему ты для всех, только не для нас с Машей? Даже твои учительки от тебя что-то урывают.

– Ничего они не урывают, – говорю я и целую ее.

Она тянет меня за собой из кухни.

Мой кофе так и остается недопитым.

Спустя какое-то время я наконец выхожу из подъезда. Прохладно. Но холодком по утрам тянет уже и в августе. Рано утром порой стоит довольно густой туман. Он висел и сегодня, заслоняя соседние дома. Однако сейчас белесая пелена развеялась. Вокруг легкая водянистая взвесь и холодные лучи солнца. Прохожих немного, но больше, чем по субботам летом. Многие, подобно мне, все же отправляются сегодня на работу. Обычно я еду в школу на троллейбусе для скорости. Но сегодня, несмотря на то, что время уже слегка поджидает, хочется пройти пешком. После утреннего.

Женщина опустошает мужчину. Но иногда это опустошение бывает приятным. Ты можешь что-то дать, и от тебя этого хотят и ждут. Не знаю, как кого, а меня окрыляет именно этот абстрактный смысл отношений. Физиологическая часть любви с годами становится чем-то символическим. В ней начинаешь ценить нечто потаенное, лежащее по ту сторону от избитых пошлых телодвижений. Весь человек раскрыва-

ется здесь, весь он здесь без утайки. А если нет, то это действительно самое скучное занятие.

Таинство брака. Очень верное определение.

Пустой и довольный я шагаю по улицам. Если бы не школа, осень была бы прекрасна. Но есть какой-то закон в жизни, что самые приятные вещи непременно оказываются чем-то отравлены. Работать летом и зимой, отдыхать осенью. Весна – это даже не время года, а какое-то недоразумение. Ей не достает оригинальности. Впрочем, расцветающая юность всегда неоригинальна. Это относится и к людям. Есть своеобразие в стариках и зрелых людях, свое лицо в детях. Подростки абсолютно одинаковы в своей переходности. Ребенок вытесняется взрослым. Вот и Маша, дочь, стала совсем неинтересной. Утратила детскую непосредственность, не обрела взрослой степенности и уверенности. Стала призраком, тенью себя бывшей и отблеском грядущей. Эфемерное призрачное создание, несмотря на наливающуюся плоть. Но разве она в человеке главное? Четкое детское истаяло, пропала твердость и непосредственность, начинаются духи и туманы, вслед за которыми окостенение и угасание рвущегося мятежного духа в стареющем теле. «Глаза навсегда потеряли свой цвет».

Я и сам чувствую старение. Стою подолгу у окна и рассматриваю в образовавшееся от яркого солнца отражение собственные вваливающие щеки. Когда это началось? Когда я начал терять себя? Лет в двадцать шесть. Я обнаружил это

в командировке. Душевая комната в стандартном гостиничном номере, большое зеркало на стене, вширь, а не в длину. Они всегда их вешают так, чтобы приходилось наклоняться. Я увидел себя, еще не успев поклониться раковине. Куда исчезла юношеская худоба? Плотный объемный бок. Хоть сейчас подавай на вертеле. Дальше и пузо подтянулось. Кожа потеряла гибкость и эластичность. В молодости тело пело как струна, теперь поскрипывает подобно старому комоду. А внутри я все тот же. Несмотря на годы, несмотря на опыт.

6 сентября

В субботу вечером позвонил отец и еще раз напомнил, что они с матерью ждут меня в воскресенье в саду. Я не забыл. Как это вылетит из головы, когда весь вечер по этому поводу зудит и бушует жена. Пусть возмущается. У нее предназначение такое. А моя доля – терпеть и смиряться. Пусть хоть кто-то в семье станет смиренным. Жена выговорится и утихнет. Уже сам факт, что она только о саде и говорит – признак того, что она приняла мою поездку как нечто неизбежное. Есть и другие свидетельства. Пока я пялился в компьютер, просматривая новости («США блокируют новую инициативу РФ», «Пьяный сожитель убил семидесятилетнюю женщину после того как она отказала ему в интимной связи», «Список предметов по ЕГЭ будет расширен»), она взялась копаться в шкафу и отыскивала мои старые джинсы и ветровку, добавила свитер.

– В свитере будет жарко, – заметил я, не отрывая глаз от экрана. – Завтра обещают солнечно, без осадков.

– Будет тепло, снимешь. На то, чтобы болеть, у нас денег нет, – отрезала она, продолжая дальнейшие поиски в развалах старой одежды.

Я промолчал. Бессмысленно что-либо комментировать. Одеть меня по своему разумению – это единственное чем она может до конца выразить свое недовольство.

Пришла Маша. Уроки у нее закончились давно, но она, видимо, забежала к своей подружке Даше Бессоновой, раз с таким опозданием добралась до дома. Мне Даша не нравится, больно резвая для своих лет, втянет еще во что-нибудь Машу. Вертихвостка, красится, болтает без перерыву. Поди, уже одни мальчишки на уме. «Любит музыку, любит танцевать». Но других подружек у дочери пока на горизонте не наблюдается, не лишать же ребенка радости общения. Да и вообще, пусть Таня за ними присматривает, она лучше разбирается, куда их там женская дружба ведет – к высотам или к обрыву. А то я влезу, как слон в посудной лавке. У меня же первая реакция – запретить. Потому что так проще. Думать не надо, напрягать голову, влезать во все эти хитросплетения человеческих связей.

С того самого момента, когда Таня пришла из женской консультации, или откуда там они обычно приходят самый первый раз, я думаю о том, что хорошо, что Бог дал нам дочь. Некоторые тоже так считают. Юрий Михайлович, мой тогдашний начальник, когда я сообщил ему о рождении дочери, воскликнул: «Ну ты и везунчик, Николай Петрович. Это лучше чем „Волгу“ в „Спортлото“ выиграть». Наверное, я и в самом деле счастливый. Родись мальчик, я бы просто не знал, что с ним делать. Отцы радуются наследнику просто потому, что никогда не задумываются о себе как воспитателе. Тупая уверенность самца, что импринтинга будет вполне достаточно. «Эй, приятель, посмотри на меня, делай как я,

делай как я!» Воспитание сына между тем с моей колокольни видится мне какой-то непосильной задачей. Интересно, думает ли также Таня о Маше? Мне отчего-то сдается, что нет. У женщин как-то все проще, органичнее. Хотя, может, я ошибаюсь, и в душе она также как и я рассуждает: «Почему не мальчик? Коля, наверняка, воспитал бы его лучше меня». Так это или нет, я никогда не узнаю, равно как и она не узнает о моей тихой радости, о том вздохе облегчения, который вырвался у меня тогда, много лет назад, когда она пришла счастливая и довольная.

– Значит, все-таки поедешь, – прервала мои размышления Таня, складывая аккуратно в стопку предназначенные мне вещи.

– Поеду, – отозвался я. – А что, ты со мной хочешь?

– К твоим родителям? Ни за что.

– Почему нет? День завтра хороший. Возьмем Машку с собой. Побродим все вместе по русским осенним полям, постоим под ярким синим небом у желтых берез. Напитаемся духом родной природы.

– Картина конечно, красивая, но только ты забыл упомянуть о том, что до полей и берез нужно еще как-то добраться.

– Да там и добираться нечего. Сел на электричку и ту-ту – через час с небольшим почти на месте.

– Вот этот час туда и час обратно меня и смущает. Толкаться по грязным электричкам в собственные выходные – потерянное для жизни время.

– Не так уж ты и стара, чтобы рассуждать об утраченном времени. В молодости надо жить, разбрасываться, ничего не жалеть.

– Пап, придумай что-нибудь пооригинальнее. На роль Табакова из «Розыгрыша» ты не тянешь, – заметила Маша, направляясь к креслу, стоящему в самом углу комнаты, чтобы устроиться удобнее перед телевизором.

Она все это время переодевалась, но слышала наш разговор из другой комнаты

– То есть ты, как и мама, не желаешь приобщиться к красотам осенней природы? Ну не хочешь, как хочешь. Вот молодежь пошла. Ничем жертвовать ради романтики не готовы.

– Жертвенности учить надо, – глухо проворчала ушедшая в глубины встроенного шкафа жена. – А тебе все некогда было. Ты ведь ни дочь свою не научил, ни учеников собственных. Да и где тебе, здесь нужно личным примером.

Да, с личным примером у меня плоховато. Не умею я красиво подать свою жертвенность. Но слова жены, сказанные не впервые (она постоянно намекала на то, что для дома и семьи я делаю недостаточно), меня привычно задели. Разве не для них я хожу в эту чертову школу и занимаюсь там всякой ерундой? Разве в моей жизни нет ни малейшего элемента жертвенности? Послушать их, так я законченный эгоист. Та же моя завтрашняя поездка, неужели не жертва?

– Я завтра в сад поеду, чем не личный пример, – решил

озвучить я последнюю мысль вслух.

– Не подойдет, – отозвалась жена. – Это жертва за наш счет. А тебе только в удовольствие, подальше от нас.

Круг замкнулся, она вновь въехала в колею утреннего разговора. Дальше все будет только обо мне и моем недостойном поведении. На работе я учитель, дома – вечный ученик. Но жена не стала продолжать. Бросила копаться в шкафу, решив, что той одежды, которую она мне отыскала, достаточно, и ушла на кухню, кормить Машу.

Выехал я пораньше, на восьмичасовой электричке. На дворе сентябрь, утро воскресное, по дачам нынче не шибко ездят, поэтому мне досталось не просто свободное место, а целая свободная лавочка. Обратно, наверное, в таком просторе уже не поедешь. Но мне и не слишком-то надо. Думаю, для меня отыщется какое-нибудь местечко в небольшом грузовике или фургончике, в котором поедут дачные вещи родителей.

Осенью мне все интересно. Жена отчасти была права, я поехал не без удовольствия. Но не потому, что не пожелал оставаться дома, а потому что захотелось вдохнуть сентябрьского загородного воздуха, пройти по притихшей дороге мимо опустевших садовых домиков, поглядеть на ту самую уставшую перед зимой ниву, о которой так любили писать поэты (знали-таки толк в жизни!), послушать жалобное клекотание птиц. Когда-то и Таня все это понимала и ценила. А может быть не протестовала против осенней природы по-

тому, что частью всего этого осеннего раздолья был я. В первые годы нашей совместной жизни мы время от времени ездили в сад. Особенно часто уже тогда, когда родители с него выезжали окончательно. Я знал, где взять ключ, а вещи нам были не нужны. В тишине и запустении сада, освободившегося от летней мещанской жизни (сади-копай-собирай), было что-то притягательное. Казалось, что в целом мире нет никого кроме меня с ней. Мы оставались на ночь, безуспешно пытаюсь спастись от ночного холода – собранными за день полешками, спиртным и жаркими объятиями. Дикое, безумное, прекрасное время. Время открытости, время, когда семейная политика и борьба за свою территорию еще не сожрала всю непосредственность наших первых отношений. Юная, отчаянная, задумчивая и загадочная, простая и открытая. Такой она была.

Куда ушло все это? Теперь она ценила комфорт. Телевизор, чайник, ванна, мягкая постель. Ничего из этого старый садовый домик не мог ей дать. Одна надежда – Маша когда-нибудь ощутит всю прелесть осеннего холода и безлюдной пустоты. Наверняка ей тоже кто-нибудь поможет это сделать. Пусть она увидит и почувствует, как это прекрасно. Ведь должно же в ней быть что-то от той молодой Тани. Пусть она запомнит это в отличие от своей матери.

Романтика романтикой, но идти пешком до нашего сада и впрямь далековато. Грунтовая дорога, обычно сероватая, с легкой желтизной, после ночи потемнела от сырости. Кто

его знает, может, пробежал здесь не так давно и небольшой дождь. Но не развезло. Просто грунт стал мягким и пружинит под моими старыми кроссовками при каждом шаге. Мне это нравится больше, чем летняя сухость, когда земная твердь звонко отдает в тебя при каждом шаге. Там печатаешь шаг, здесь неспешно прогуливаешься. Маршировать хорошо в молодости, чем старше становишься, тем больше любишь все спокойное и неспешное. В детстве осень меня пугала и наводила тоску. Теперь я иду среди начинающей жухнуть травы, в утренней туманной сырости, смотрю на пустеющую округу, и это меня успокаивает, тянет к себе. «Подожди немного, отдохнешь и ты». Будь я пенсионером, или богачом, точно бросил бы чертов город, работу, службу, призвание, и остался бы здесь. Не знаю как насчет зимы, но до ноября, до того как падет первый снег, и начнут порхать белые мухи, я бы точно остался. Жил бы отшельником, писал умные книги, размышлял о вечности и бесконечно совершенствовался и совершенствовался. До истончения плоти, до умерщвления всех желаний, до растворения в этой осенней природной жизни. Русский йог.

После изматывающего лета все вялое, даже солнце. День разгорается неспешно, медленно, нехотя. Когда я подхожу к дачному поселку, то не слышу привычного летнего шума радио, не вижу бодрой суеты дачников вокруг грядок и машин, не примечаю ребятишек, которые спозаранку лениво бродят по огородам в поисках того, чем поживиться. Дач-

ный поселок затих, хотя на дворе еще самое начало сентября. В какой-то степени это объяснимо. Основан был еще в незапамятные советские времена. Теперь здесь живет молодежь, дети основателей. Они и летом не всегда сюда заезжают, предпочитая разного рода Турции, Египты, Таиланды и страны Бенилюкса. Тем более нечего им здесь делать осенью, когда начинает закручиваться привычное колесо работы повсюду, а не только в школе. Стариков немного, и живут они все вразброс по бывшему садовому товариществу, а от родительского сада вообще далековато, ведь он стоит на самом поселковом отшибе.

Наш сад – это маленький зеленый домик, в котором хорошо в летнюю жару и который совершенно неприспособлен к жизни за пределами лета. К нему прилегает небольшой огород с редко растущими яблоньками и двумя кустами вишен. Печурка в домике, конечно, есть, но хватает ее только на слабый подогрев жилища в холодные майские и августовские ночи. Дом выглядит таким же, каким я увидел его в первый раз почти тридцать лет назад. Если смотреть на него со стороны дороги, то в нем совсем ничего не изменилось. Даже цвет. Каждый раз, перекрашивая дом, отец неизменно выбирает зеленый цвет темного оттенка. Единственное видимое нововведение заметно, только тогда, когда заходишь на участок. Небольшую старую веранду отец перестроил и несколько расширил, сделал новые ступеньки. Для маленького домика она совершенно не подходит, смотрится несуразно, по-

сколько имеет площадь едва ли не соразмерную площади самого дома, но отец не гонится за эстетикой, главное – комфорт. Кто его знает, вероятно, это и в самом деле удобно: летом можно чинно располагаться на веранде и пить чай, почти как в фильмах про дореволюционное барство-дворянство, задумчиво и степенно поглядывая вдаль. На веранде для подобных неспешных обеденных и вечерних чаепитий стоит старенький прямоугольный стол, накрытый клеенкой, и пара тройка обыкновенных, не плетеных, чай не интеллигенция какая, таких же старых, как и сам стол, стульев.

Утро по меркам нашей семьи уже не ранее, – десятый час. Мы все рано встаем, привычка выработалась еще с тех пор, как отец ходил в смену на завод, а мать бегала в больницу, работала там в регистратуре. Мать уже курсирует по огороду, а отец сидит на веранде, заставленной внушительными мешками и картонными коробками. Есть среди них и пара деревянных ящичков.

– Здорово! – машет он мне, как только я подхожу к калитке.

Я тоже приветствую его, кивая головой.

– На электричке приехал? – спрашивает он меня, уступая место для того, чтобы я присел, рядом с ним на самую верхнюю ступеньку. В руках у него здоровенная сумка, он колдует над одним из ремешков.

– Ну, да. А на чем еще до вас доберешься.

– Можно еще на автобусе. Он же как ходил, так и ходит.

Мы вот с матерью на нем в основном ездим. И туда и обратно. На нем лучше всего.

– Ну, так вам, понятно. До станции идти по вашим меркам далеко.

– До станции, положим, не так далеко. Но годы уже не те, и ноги не те. У матери постоянно болят. А сейчас сырость, холодно большую часть дня, а ночью, так и вовсе. Ты же помнишь, у нее всегда с ногами проблемы были. Она и по молодости не слишком хороший ходок была из-за этого. В поликлинике своей поэтому и старалась все больше сидеть на стуле, на ногах не стоять. А теперь старость, что удивляться, что ноет и болит?

– Здравствуй, Коля, – мать, заслышав наш разговор, пришла с огорода.

Руки в резиновых перчатках, на голове повязан платок, как у работниц с советских плакатов, на ногах мои старые сапоги и теплые штаны. Сама в поношенной коричневой куртке, в той, что еще года три назад ходила по городу. Теперь, видимо, списала ее за старостью лет на дачу. Здесь и будет доканывать уже окончательно, пока не развалится.

– Здравствуй, мама.

– О чем это вы тут говорите?

– Да я рассказываю ему, что тут у нас уже холодно, сыро. Что ты все мне говоришь, что надо съезжать. Всю плешь мне проела. Вот, радуйся теперь, сегодня, наконец, отсюда вымеемся, – без видимого удовольствия ответил отец.

Похоже, споров по этому поводу, действительно, прогрессировало с избытком.

– Да уж, слава Богу. Съезжать надо было еще недели две назад, – говорит ему мать, и, перешагивая через нас, подымается на веранду, усаживается на одну из небольших табуреток, сделанных отцом. – Все соседи-то по-умному, в конце августа разъезжаются, а мы как всегда ждем непонятно чего. Дома тепло, квартира и телевизор, кстати, твой любимый. Нет, здесь сидим, до последнего, до холодов. Ты что ж думаешь, что в этом году осени не будет, что ли?

– Мам, – говорю я. – Ты бы на стул села. На нем лучше, наверное.

– Не беспокойся. Мне на этой табуреточке удобнее сидеть. Я маленькая, книзу теперь расту.

– Тепло еще будет – продолжает отстаивать свою точку зрения на сроки окончания дачного сезона отец. – Бабье лето впереди. Здесь знаешь, как хорошо станет. Еще пожалеешь, что мы все вывезли и дом на зиму заперли.

– На один день можно всегда приехать, если охота сильно припрет. Походишь по леску осеннему пару часиков, и хватит с тебя. Много ли на старости лет надо. У самого ведь тоже ноги больные. Как и я постоянно жалуешься. Ну да что мы все об этом. Как у тебя там жизнь дома, на работе? – обратилась ко мне мать.

– Да обычно, ничего такого. Таня работает, Маша в школе. Я вот тоже в школу опять пошел учить охломонов всех

мастей.

– А чего своих не привез сюда? В этом году ведь летом так и ни разу не приехали. Все лето в городе просидели в духоте, – поинтересовался отец.

Это правда. Несмотря на многочисленные обещания я так и не нашел в себе силы оторваться от дивана и приехать в сад в летние месяцы. Сам не знаю, почему так получилось. За город летом хотелось выбраться нестерпимо. С недавних пор я стал просто чуметь, проводя летние месяцы в городе. Никакой возможности расслабиться. Жара, диван и маета от безделья. Компьютер тоже не спасал. Все на лето поразъехались, кто куда, и только пара-тройка таких же чудаков как я кидала в ленту картинку, музыку и ссылки на какие-то дурацкие длинные статьи о кризисе российской экономики и грядущей политической нестабильности. От скуки я открывал некоторые из них, но сил дочитать до конца не находил, бросал изнуренный, отмотав пять-шесть абзацев. Что толку читать, когда и так все ясно: летим под гору, все эти годы разница только в интенсивности спуска. Одно расстройство, напоминание о неизбежном конце. Нет, лето в городе – это не отдых, а какая-то пауза между работой, бессмысленный и тягостный простой, еще более тяжкий от того, что свою работу в школе я просто ненавидел, а впереди маячила в качестве избавления от скуки только она. Но ехать к родителям всей семьей желания не было. Приехать, поболтаться с утра до вечера, а потом опять тащится в ночь на электричку, ехать об-

ратно в город. Я уже стар для такой возни. Да и сомневаюсь, чтобы Таня или Маша оценили такой отдых. Слишком уж активный. Правда, проблема не только в этом. С моими родителями у Тани отношения не сложились. Ничего серьезно-го, но атмосфера явного отчуждения ощущалась всякий раз, когда она начинала разговаривать с моей матерью. «Не пара она тебе, не пара». Отец в своем привычном стиле попытался обозначить для непонятливой Тани верховенство своей патриаршей власти, но этот номер категорически не прошел. Таня выходила за меня и не была настроена терпеть рядом с собой, а тем более над собой, никого кроме меня.

Маша же, как всякий современный подросток, не понимала и не ценила красот природы. До пикников она еще не доросла, и все прелести хозяйского хождения меж огородных грядок ценить ей было рановато. Сад, в который она еще в юном дошкольном возрасте ехала с удовольствием, теперь потерял для нее малейшее значение. Появиться в нем значило бы сознаться в собственной незрелости. Да и что бы она здесь делала? Сверстников ее, насколько я знал соседей, в округе практически не было. Я отлично понимал ее нежелание ехать в дедушкин домик за городом, как она его называла, потому что и сам когда-то испытывал нечто подобное. Одиночество за компьютером для современного ребенка лучше одиночества перед лесом и речкой. Печально, но факт. «Петька на даче» – это уже неактуально.

– А зачем им здесь быть? Вы ж меня не просто в гости

позвали, а помочь.

– Так дело-делом, но хоть раз в год выехать из этого грязного города надо. Что сидеть в четырех стенах, – заметил отец. – Как вам не скучно?

– А зачем? Дома может быть и тоскливо, но ведь и на улице не лучше. Здесь тоже, сколько себя помню, с развлечениями небогато. Сходишь разок в лес, пару раз на речку – туда еще километра три тащится, а потом вы в огород погоните полоть, окучивать и совсем житья не станет.

– А что такого? На земле поработать – это только в удовольствие. Что касается городской жизни, то у вас там ведь та же история. Сидите, ни шагу из дому. Я ведь не первый раз говорю: ходите куда-нибудь, не сидите в своей душной квартире! Мы с тобой, вон, сколько раньше мотались: в кино, на стадион, мать тебя в театр все норовила сводить в детстве. В кукольный, так и вовсе, чуть ли не каждую неделю ходили. Нельзя взаперти сидеть все время. Надо с людьми общаться больше. К вам хоть в гости кто-нибудь заходит?

– Заходит, – соврал я, не скажешь ведь, что мы особо никому не нужны, тогда вони еще больше будет. – Иринка, танина подружка, бывает раза два-три в месяц.

– А твои? Твои друзья где? Или Танька всех разогнала?

– Разогнала, и к лучшему, – вставила мать. – А то я помню, в университете вся дружба заключалась в том, что шлялись где ни попадя. Сколько я ночей не спала. Как только в неприятности не угодили, ума не приложу. Этот Миша, толстень-

кий все так и норовил во что-нибудь вляпаться. Что за человек такой!

– Никого она не разгоняла. Сами ходить перестали. Леша уехал в Москву. А Мише некогда, у него работы завались.

– Ничего им не некогда. Просто ты для них стал бесполезен. Вот и забросили они тебя, – прямо сказал отец. – Они-то наверх пошли, а ты под уклон. Вот и разнесло вас в разные стороны.

Я обиделся. Он в очередной раз наступил на больную мозоль, затронул тему, по поводу которой мы постоянно перепирались последние годы.

– Слушай, ты бы определился сначала: их Таня выгнала или они сами знать меня не хотят.

– Не ссорьтесь по пустякам, – вмешалась мать. – Как будто это самое главное в жизни. К нам ведь тоже никто особо не ходил.

– Так понятное дело, почему, – ухмыльнулся отец.

– Почему?

– Потому что ты сама всех повыжила.

– Скажешь тоже. Теперь ты вот и меня начал обвинять.

Несправедливый ты, Петя.

– Я не обвиняю, а говорю как есть. Ну да не в нас с тобой дело. Это все уже не имеет значения. Дело прошлое. Главное, не главное, что не ходят, – это неважно. Суть в том, что показательно. Никто с ним знаться не хочет, потому что он под гору покатился.

– Петр, опять ты!

– А что. Надо называть вещи своими именами. Хватит себя обманывать. Сколько лет уж все хрупкую психику жалеем.

Никто и не обманывал. Я давно заметил, как стремительно образовался вокруг меня вакуум, с тех пор как мне пришлось уйти из университета. Но напоминать мне об этом лишний раз не стоило, хотя бы из сострадания и человечности. Впрочем, отец любит теребить незажившие раны. Иногда я думаю это от того, что у него самого жизнь не задалась, и он сам, в свое время тоже, как он только что выразился «покатился». Мог бы работать всю жизнь инженером, а проработал токарем на заводе. Позже, после того как вышел на пенсию, когда токари у нас стали вовсе не нужны, он и вовсе пару лет подрабатывал слесарем, или, как это принято говорить, водопроводчиком в ЖЭКе. Затем с ЖЭКами стало твориться непонятное, и он, не став сильно разбираться в том, что происходит, уже окончательно вышел на пенсию, засел здесь в саду, а на зиму в квартире. С чего он поднял эту тему? К нему и самому никто никогда особо не ходил в гости. Из своих детских воспоминаний я помнил только двух теток, его сестер, и дядю – большого выпивоху, которого по этой причине мать в определенный момент окончательно отвадила от нашего дома.

В общем, кто бы говорил. Но я не стал спорить. Не для этого приехал. Споров мне в досталь хватит и на работе. А эти мелкие наезды можно и перетерпеть. Молчать, мол-

чать и еще раз молчать. Не поддаваться на провокации противника. Как в отношении гитлеровской Германии в сорок первом.

– Так, ладно, предлагаю с этой темой закруглиться, – сказал я. – Это к тому, почему я здесь, никак не относится. Я приехал. Что нужно делать?

– Давай-ка ты сперва переоденешься. Пошли со мной в дом, я тебе что-нибудь подберу, – предложила мама.

– А я и так в рабочей одежде, – ответил я.

– Ну какая же это «рабочая одежда»? Успеешь еще ее порвать и испачкать. Пойдем, пойдем. Есть у нас, что надеть из старья.

Мы зашли в дом. Изнутри он тоже не слишком изменился. Не только с прошлого лета, когда я сюда приезжал, но и за многие годы владения садом. Две кровати с панцирной сеткой, растянутой уже настолько, что провалы в середине каждой из кроватей нетрудно заметить издали. Стол, покрытый старой клеенкой, у окна с видом на малину, за ним два стула. Против входа маленькая печка, справа, как заходишь, в углу хозяйственная тумба. На ней старый пластмассовый китайский электрический чайник. Поодаль уже маленькая тумбочка и на ней одноконфорочная электрическая плитка, дешевая, тоже китайская.

– Оставляете плитку?

– Ну как же, оставляем, скажешь тоже. Конечно, заберем. Только в последний момент. Еще обед успеем сегодня на ней

сварить.

– Так вы только после обеда собираетесь выезжать?

– Да. Раньше никак не получится. Петя упросил соседа снизу, Николая Николаевича помочь с вывозом. Его внук после обеда за нами приедет. Погрузимся и поедем.

– А что у него за машина?

– Да кто его знает... Я ведь не разбираюсь.

– Н-да, не рассчитывал я, что все так затянется, – сказал я, а про себя подумал: «права была Татьяна, только день угробил. Какие тут поля и деревья».

– Разве тебе отец не сказал?

– Нет.

– Не мог он не предупредить. Ты, наверное, просто прослушал.

– Ладно, проехали. Ты мне из одежды что-то обещала.

– Сейчас найдем. Основное-то мы уже по мешкам распи- хали. Но ветошь найдется.

– Прямо ветошь? Не дорого же вы меня цените.

– А что? Перед кем тебе тут щеголять? Даже птиц и собак нет. Тишина и пустота. Я уже от тоски вся измаялась. Хочу домой, в тепло, в цивилизацию. От тишины оглохла совсем. Хочется чувствовать людей вокруг.

По перфоратору соскучилась, значит. Вот ведь как бывает. Я бы с удовольствием весь этот городской шум и ярость променял на безмолвие, а ей тоскливо, хочется, чтоб бабки под окном ругались, и по телевизору сериал шел, серий

на пятьсот. Будет ли моя Таня такой же? Судя по наметившейся тенденции – да. Неужели этот жизненный путь фатален – от смешливой жизнерадостной девочки к бабке перед телевизором, спасающейся от самой себя в омуте пластиковых чувств и словесного поноса?

– Там тоже не очень-то уютно. Отопление еще не дали. По утрам холодно и сыро.

– Это у вас в квартире.

– Да у всех в квартире. У меня на работе училки тоже ноют, что им тепла не хватает. А ведь сентябрь только-только начался.

– Плохо, конечно, когда дома холодно. Зато удобства рядом и телевизор. На вот, это попробуй, как тебе подойдет.

Удобства и телевизор, какое великолепное сочетание, какая неразлучная пара синонимов.

Пока мы разговаривали, мать отыскала какие-то широкие джинсовые штаны и довольно большую рубаху в клетку.

– Откуда это у вас одежда для толстых? – пошутил я.

– Бог с тобой, для каких толстых. Надежда Ивановна, Петина сестра принесла. Отцу твоему великовато. Тебе для обычной носки в городе не подойдет, я твой рост знаю. Ты верно заметил, широковаты и штаны, и рубаха. Специально весной сюда забросили. Думали, что вы летом все-таки придете с Машей, так будет в чем ходить.

Я оценил «с Машей». Про Татьяну мать деликатно не упомянула. Мол, все с ней и так ясно. Ну да, баба с возу и ко-

быле легче. Без жены твоей лучше.

Я посмотрел на джинсы и рубаху. Вроде должны подойти. В принципе, они еще совсем новые.

– Что смотришь? – толкнула меня легонько в бок мать. – Одевайся. Для тебя достала.

– Не прохладно ли в одной рубашке будет?

– Боишься околеть, так вон джинсовку старую одень, рядом с дверью висит.

– Хорошо.

Я опять застыл над одеждой.

– Что стоишь? Стесняешься? Так ты это зря. Я тебя всякого видела, забыл что ли? Да и в больнице порой чего только не насмотришься. Ну, ладно-ладно, выйду.

Она хлопнула дверью, а я начал переодеваться. Штаны для меня, и в самом деле, были широкими. Это предполагалось изначально, поэтому кто-то предусмотрительно вставил в них старенький ремешок. Но если с шириной вопрос решался достаточно просто, то с длиной – никак. Коротковаты, выше щиколотки, даже если изо всех сил приспустить пониже. Ну да, не беда, с носками вполне пойдет. Рубашка мне понравилась – просторно. Я бы себе такую забрал домой. Можно по квартире ходить и по улице пройтись – тоже не грех. До магазина добежать, к примеру, на работу в такой, естественно, не пойдешь. Татьяна, понятное дело, начнет возмущаться: «старье всякое тащишь, она же широкая тебе». Но я бы взял, я люблю просторное, а не в обтягон, чтоб

трещало по швам. Куда мне подчеркивать свою фигуру? Годы берут свое, и четче обрисовывать свое бочкообразное тело с выпирающим животиком, хочется все меньше и меньше. Надо будет потом спросить у матери – отдаст она мне рубаху или нет.

Наконец я облачился, накинул джинсовку и вышел на веранду.

Отец уже ушел в огород, а мать пересела теперь на крепкий старый стул, любовалась открывающимся с веранды видом.

– Скажи, хорошо?

Я посмотрел на уходящие вниз крыши дачных домиков, подернутые легкой сизой дымкой, на небольшой зеленый хвойный лесок на холме вдалеке, напротив веранды, на уходящие за горизонт мощные вышки ЛЭП.

– В самом деле, хорошо.

– Вот. А вы в этом году от всей этой красоты отказались. Пять лет подряд приезжали, и ничего. Маша только рада была. Воздух, солнце, все свежее, с огорода.

«Да что же они теперь весь день меня этим попрекать будут?» – подумал я. – «Весело же у меня день пройдет». И пошел обуваться в кроссовки.

– Э-э-э, погоди.

– В смысле.

– Зачем ты кроссовки будешь марать? У нас в огороде роса, земля мокрая, грязь. Надень отцовы галоши старые. Там

посмотри, под верандой должны лежать. Она махнула рукой в сторону лестницы.

Я пошуровал под второй снизу ступенькой и впрямь обнаружил старые галоши. Они выглядели большими по размеру. Значит мне как раз. Должны подойти. Одна беда – внутри сыро. Но об этом я уже не стал говорить матери. Начнется суетиться, искать другие, так до вечера не соберешься. Надел их и зашагал к отцу в огород.

Отец стоял внизу среди яблонь. Сказано громко, потому что их было всего-то две у нас, и выглядело это не так уж и живописно, как принято разрисовывать в рассказах. Рядом с ним, на земле, стоял пластиковый таз вызывающего ярко-зеленого, не по сезону цвета. Он увидел меня, замахал рукой «иди сюда».

Я спустился, проходя мимо приготовившихся уже к зимнему сну грядок.

– Вот, решил собрать, что осталось, – пояснил он мне. – Яблок в этом году немного. Но какие есть, не оставлять же. Давай, помогай. Все равно все тебе отдам. Мне яблоки уже не по зубам. Да и ей тоже, – он кивнул в сторону домика. – Хотя она из них компот варит. Шарлотку делает. Но нам хватит тех, что мы на прошлой неделе принесли. Целый рюкзак. На своем горбу тащил.

«Это как, опять камень в мой огород?» – спросил я себя. А сам, как ни в чем не бывало, небрежно кинул:

– Ну, так ты же от остановки до остановки всего пронес.

– Верно. Только годы у меня не те, чтоб такие тяжести таскать.

– Оставил бы здесь.

– Нельзя оставлять. Это яблоки все-таки.

– Да ты, если пуп надорвешь, на лекарства больше потратишься.

– Так-то оно так. Но все же человек – это такая жадная скотина, – усмехнулся он.

Некоторое время мы работали молча. Время шло к двенадцати. Стало по-настоящему тепло. Я сбросил себя куртку. Отец после того, как я присоединился к нему, не столько занимался сбором яблок, сколько стоял и глядел по сторонам. Очень мне это знакомо. Тридцать лет почти прошло, а он все также генералом глядит окрест, все насладиться своими владеньями не может. Крестьянская закваска, родился-то сам в деревне. Чувство собственника, землевладельца – врожденное. А то, кто его знает, думает о чем-то другом, своем. Раньше он стоял, неспешно покуривая, пуская время от времени веером серый дымок, теперь, после того как бросил, казалось, чего-то не хватает в этой привычной картине. Нет, наверное, первое впечатление обманчиво – теперь это похоже не на хозяйский надзор, а на какое тревожное вглядывание, не то ожидание чего-то, не то прощание с чем-то.

– Как у тебя дела на ... работе? – неожиданно спросил он.

Я почувствовал, как он с трудом выдавил из себя это слово. Школу он никогда не считал работой. Вот завод, или да-

же университет, в котором я преподавал раньше – это другое дело. Завод – работа мужская, настоящая. С железом и огнем, под деловитую ругань мужиков вокруг. Университет – это почет и уважение. Интеллигенция, белая кость. Новые дворяне. Из грязи в князи. Одна из историй «русского успеха». Мальчик из рабочей семьи пробивается в высшее общество. Дядя отца в советское время тоже работал в институте, ассистентом кафедры, и отца воспитали в благоговении к высшему образованию, а уж к тому, кто его дает, тем более. Профессор, академик. Это как вести из космоса. Высокое, внеземное. Раньше поп – авторитет, теперь ученый, доцент – высший человек, жреческое сословие. А школа, школа это что? Разве это работа? Где-то рядом с детсадом. Бабский муравейник, носы подтирать.

Повращавшись сейчас в школе, я теперь с ним тоже был согласен: «школа – это не работа». Но по совершенно другим основаниям. Речь здесь вовсе не о мужском и женском.

– Нормально, – отозвался я, сделав робкую попытку закрыть тему, не вдаваясь в подробности.

– Нормально – это не ответ. Я же тебя не просто так спрашиваю, как погода и все такое прочее. А как отец, которому не все равно, как у тебя жизнь складывается.

Ясно. На старика накатил приступ родительского инстинкта. «Ну ладно, поиграем в откровенность, раз уж ему так хочется», – решил я.

– Как тебе сказать. Внешне хорошо. А по существу

не очень.

– Ясно. То есть, как всегда у тебя: то не то и то не это. Опять не по-твоему.

– Почему не по-моему? Я многого не требую. И никогда не требовал. Мне всего-то и надо, что делать свою работу. Больше ничего. Отрубил свое и пошел домой с чистой совестью.

– Как будто такое когда-то было – «сделай дело, гуляй смело»... Я всю жизнь на заводе работал. Никогда все как по инструкции не шло. Всегда каждый в свою сторону вертел и все свои порядки устанавливал. Здесь задержись, это подделай, того пока подмени. Сперва тоже как ты был недовольный. А потом подумал: «Ну и что, тебе-то какая разница – по инструкции или нет. Зарплату платят, и достаточно». Не в свое дело никогда не лез. Первое время, как устроился, в мастера стремился, молодой, глупый, а потом понял, что на своем маленьком участке ковыряться проще и спокойнее. Так и ты делай. Сдались они тебе там все. Молчи, молчи больше. Умнее будешь казаться.

Отец сухо, по-стариковски, засмеялся.

– Да я уже и так молчу по твоей методе. Ты ведь меня не первый год учишь. Но теперь даже молчание раздражает.

– Значит, неправильно молчишь. Лицо не то делаешь.

– Поди, разбери его какое им лицо нужно.

– Ты умный, должен разбирать. Это я старый дурак с железками все возился. А у тебя профессия «человек-чело-

век», как там это в советское время называли. Для тебя отношения между людьми должны быть как семечки.

– Так так и есть.

– Есть, – хмыкнул он. – Только практических результатов не видать. Все теория. Высокая наука. А другие вон, глупее тебя, высоко ускакали. Взять, к примеру, Юдина, дружка твоего с кафедры. Я его встретил недавно. Машинка у человека, зарплата и должность. Все как положено степенному человеку средних лет. Всю страну объездил, а скоро и мир обскочит на симпозиумах этих. А ты все на своих двоих ко мне в сад ходишь. Вот цена твоих представлений о людях. Неправильные они у тебя какие-то, несвоевременные. Духу эпохи не соответствуют. С машиной так туда-сюда бы катался всей семьей. Да и к соседу не пришлось бы идти транспорт выпрашивать. Вывез бы нас, как все белые люди.

О, как, крестьянская логика – и абстрактное суждение выдал и практическую выгоду для себя отыскал. Был бы ты, Коля, как все, так повез бы меня отсюда на своей машине. А так, дурак, и проку от тебя отцу нет никакого.

– Ты видел Юдина? – осенило вдруг меня.

– Ну да. Не просто видел, разговаривал с ним. Он сам меня остановил возле супермаркета, того, что рядом со мной, ну ты знаешь, как его там, не то «Полюшко», не то «Горюшко». Как зайдешь, на цены посмотришь, так и впрямь горюшко. Поздоровался. Про тебя расспрашивал. Как ты, что ты.

– А ты что?

– Ничего. Также как и ты отвечаю ему: нормально.

О Пашке Юдине я вспоминать не любил. Долгое время мы дружили. Со старших классов еще. Он появился у нас в школе зимой, в девятом классе. Невысокий, губастый подросток, с жидкими, будто сальными волосами, зачесанными на прямой пробор. Прическа придавала ему вид отталкивающий, но всякая попытка изменить ее приводила к еще более печальным для Пашки последствиям. Он поэкспериментировал первое время, и, вытерпев немало насмешек, в конце концов, вернулся к базовому варианту. Родители его, не то военные, не то инженеры-строители, а может и то, и другое, я так и не смог до конца разобраться, переехали с какого-то северного города. Постепенно, несмотря на далеко не выдающуюся внешность и отсутствие явно выраженных мужских талантов в виде силы, ловкости и ума, Юдин сошелся практически со всеми ребятами. Неудивительно, при его способности к общению. Но из всего класса отчего-то выделил он особо меня, и, называя вещи своими именами, постепенно навязал мне свою дружбу. Начал заходить ко мне в гости домой, сперва робко и осторожно, потом, на правах близкого друга, чаще и увереннее. Оттуда и пошло его знакомство с моим отцом. Вместе с Юдиным мы поступили после школы на филологический. Ни у него, ни у меня душа к математике и физике особо не лежала. Нет, могли бы пойти на физику, как жестко настаивал пашкин отец, пытаюсь одолеть упрямство сына, и там могли бы учиться, перебиваясь с тройки

на четверку. Голова варила и в этом направлении. Но сердце и душа требовали чего-то помягче, чем цифры и железки. Мы ударились в филологию. Выбор, в целом, был тоже во многом не добровольным. Я хотел на исторический. Пашку привлекала психология. Но психологического у нас в университете в чистом виде не было, только с педагогическим уклоном. А конкурс на исторический превышал все мыслимые пределы. Так мы оказались в среде филологов, не мечтая о филологии, но, как показало будущее, будучи к ней вполне пригодны. Оба мы потом, по окончании университета, остались на кафедре. Я – сразу, Юдин, сделав полугодовой штрафной круг в школе в качестве рядового учителя русского языка и литературы, то есть в том качестве, в каком я оказался ныне, дождавшись момента, когда одна из преподавательниц вышла на пенсию, а потом и вовсе укатила из города, сбросив с себя почасовку. Пашка ухватился за открывшуюся возможность и полгода ухитрился потом совмещать почти полторы ставки в школе с часами в университете. Потом мы вместе с ним работали на кафедре несколько лет – «молодая надежда», «наше будущее». Практически одновременно защитили диссертацию. А затем... Затем я покатился в бездну, как поется в одной модной песне.

– А он что говорит?

– Да ничего не говорит особенного. Зачем ему ваши отношения со мной выяснять?

Отец поколебался, помялся и потом добавил.

– Я все-таки попросил его насчет тебя.

– В смысле?

– Попросил взять обратно. Такой человек, говорю, пропадает. Ты же его знаешь, говорю ему, все же со школы дружили.

Я разозлился.

– Зачем? Зачем ты лезешь не в свое дело?

– Как это не мое. Ты мне не чужой человек. Да и он не совсем чужой. У другого бы не попросил.

– Как ты не понимаешь, что у таких людей ничего просить нельзя?

– У всех просить можно. Язык не отвалится. Я по твоему «нормально» вижу, что у тебя и в школе нелады. Мать мне тоже говорила.

– Она-то откуда знает?

– Это я тебе не скажу. Неизвестный информационный источник в правительстве, как теперь пишут в газетах.

Я как дурак хожу себе, живу. А мою жизнь, оказывается, словно под микроскопом изучают, собирают информацию, подшивают листочки. Судя по всему, больше на пенсии заняться не чем. Пенсия – время слежки и тотального контроля за окружающими. Легендарных бабушек развеяло со скамеечек почти повсеместно. Новые бабушки и дедушки, сократили объем потребляемой информации, целого дома им много. Теперь достаточно шпионить за своими родными и близкими. Но кто бы это мог быть? Таня – ис-

ключено, она уж точно с моими родителями ничем делиться не будет. Да ее на разговор с ними на аркане не затащишь. «Только через мой труп!» Общих знакомых у нас нет. Кто бы мог так досконально все рассказывать любопытным старичкам о том, что у нас в доме происходит? И тут я понял. Маша! Вот кто у нас сливает всю информацию. Вот кто у нас хорошенько постукивает. Бдительный гражданин с активной общественной позицией растет, что и говорить. Впрочем, чего это я, не обязательно постукивает. Просто добрые бабушка и дедушка усаживают любимую внученьку на своей теплой кухоньке. Ставят перед ней чашку чая, достают пирожки, или там, оладушки с вареньицем, моя мама любит соответствовать заданному общественным мнением канону бабушки, и под весь этот лживый семейный уют начинают тянуть из моей дочери всю подноготную о том, что там у нас происходит в доме, чем это мы там занимаемся? Нет, это определено Маша. То-то, она в последнее время начала избегать визитов к любимым прародителям. Я списал это все на взросление и поднимающийся подростковый нигилизм. А оно, вот как. Взросление есть, но оно проявляется в том, что до Маши, наконец, доперло, что ею манипулируют, что она подобна троянскому коню в нашей семье. Вернусь, надо будет с ней обязательно поговорить. До конца поднять ей веки на бабушку с дедушкой.

Мы закончили возиться с яблоками. Отнесли потяжелевший таз на веранду. Улов небольшой, но пакет заполнили.

– Давайте, пообедаем, что ли? – предложил отец.

– А может лучше закончить все? – спросил я.

– А что тут заканчивать? Почти уже все собрано по коробкам.

– А я тогда вам зачем нужен был?

– Грузить на машину поможешь.

– Да, это дело конечно трудное, для того, кто мешки яблок на собственном хребте только так тягает. И вы ради этого меня вызвали?

– А ты не рад, что приехал?

– Я бы, откровенно говоря, это радостью не назвал. Все-таки у меня один выходной, нетрудно осознать и войти в положение. Я мог бы приехать и попозже. Дома тоже есть чем заняться.

– Коля, почему ты так нас не любишь? Ведь ты к нам в последнее время даже не заходишь. За все лето ни разу не был.

«Ну вот, опять они за свое».

– Некогда, поэтому и не заходил.

– Это летом-то некогда?

– Объяснять долго. Не поймете. Не поймете, что это такое, когда никуда не хочется идти, да и идти, по большому счету, теперь не к кому и незачем.

Отец пожал плечами, мол, чудак-человек. Мать просто промолчала. Спорить не стали. Мы занялись вместе с ним упаковкой последних вещей, мать потихоньку начала каше-варить, варить суп из консервы на скорую руку. Я раньше

очень его любил. Сам даже делал его одно время, здесь в саду, пока отец с матерью деловито копались в огороде. Теперь уже разучился, скорее всего. У нас в семье Татьяна с Машей окончательно забралистряпню в свои руки. Но я особо на кухню, готовить, никогда и не стремился. Да, давненько я не пробовал такой консервной ушицы. Пахло вкусно. Как там в рекламе: «знакомый с детства вкус».

Солнце разошлось вовсю, да и плита дала обильное тепло. В домике стало даже жарковато. Мать отирала пот, то и дело выходила к нам, окончательно переместившимся из сумрака комнаты на залитую светом солнца веранду.

Как только все доварилось, разлили суп по тарелкам, сели обедать. Больших тарелок, эмалированных было всего две. Поэтому мать взяла себе маленькую, мою, детскую, с довольными собачьими мордочками по краям.

– Зачем? – спрашиваю. – Берите свои. А это моя, я из нее и буду хлебать.

– Ну что ты, смеешься что ли? – сказала мать. – Ты уже мужик здоровый, тебе надо порцию больше.

Я не стал спорить. Повисла тишина. Только ложки стучали о тарелки, да отец вдруг время от времени громко прихлебывал суп.

– А я думал, что тарелка затерялась, пропала за давностию лет, – нарушил я молчание, которое начало казаться мне неестественным.

– А чего ей теряться? – поддержал разговор уставший си-

деть в тишине отец. – Мы хорошие вещи не выкидываем. Не такие уж богатые.

– Ну не скажите.

– А что, ты думаешь у нас пенсия большая разве?

– Верю, что небольшая. Однако же сад содержать хватает.

– А куда денешься? Как-никак все свое. Помидорчики, огурчики, картошечка, яблочки те же, что мы с тобой только что собирали. Летом – свежий воздух. Мы же не привыкли в квартире киснуть, – не преминал снова уколоть меня отец.

– Да мне кажется, что вы больше сюда вкладываете. Те же огурчики-помидорчики можно купить гораздо дешевле на рынке, да даже в магазине.

– Купить можно, – согласилась мать. – Но разве знаешь, как там их чужие люди выращивали? А здесь все свое, своими руками...

– Экологически чистое, – вставил отец, доскребая гущу из тарелки.

– Да я бы тоже с удовольствием в земле покопался, – соврал я в целях примирения.

– Так копайся, что мешает?

– Жизнь. Точнее ее темп.

– Фу-ты, ну-ты. Опять он за свое. Чем же она мешает тебе? Смотри, вон, сколько садов вокруг. Люди позаняtee тебя держат. Спешат, торопятся со всех ног. Некоторые после работы заезжают. Сергей Николаевич, который через два дома вправо живет, так тот летом на пару-тройку часов появлялся

чуть ли не каждый день. Я его спрашиваю: не тяжело ли? Так он говорит: «Наоборот, не в тягость. Приезжаю сюда хоть на час – уже отдыхаю». Разве не молодец? Бери пример. Вот как надо жить.

– Так у него своя машина.

– Правильно. Про машину я тебе как раз и говорил. Кто тебе мешает свою завести?

– Да где я такие деньги возьму?

– В кредит. Все берут, и ты бери. Надо жить, надо хотеть всего и сразу, не то, что мы в советское время, все сидели и ждали, когда нам партия даст. Ты вроде молодой, а тоже видать успел уже заразиться – все тебе подать и создать должны. Наверное, и с работы бегаешь туда-сюда по той же причине. Все, как рыба ищешь, где глубже. А нигде. Как потопашь, так и полопашь. Самому надо брать. Помнишь, реклама была такая когда-то: «Бери от жизни все!»

Я не стал спорить про партию и патерналистские настроения. В детстве я, как и все мальчишки, мечтал о машине. Собирал марки с грузовыми и легковушками, даже с автобусами, просил отца выписать журнал «За рулем», который выписать, на самом деле, было невозможно – дефицит. Но чем старше становился, тем больше желание иметь машину ослабевало. Прав ли отец в том, что желания делают человеческую жизнь, заставляют человека двигаться вперед? Не знаю. Жизнь нынешняя говорит в его пользу, подтверждает его правоту каждый день и час. Кто захотел, тот и съел. Но разве

в жизни дело. Вопрос во мне. Я, еще когда сам учился в школе, понял, что машина не для меня. Слишком у меня эстетическое к ней отношение. Любоваться люблю, а вот сесть за баранку никак не решусь. Это как с женщиной. Все через это проходили. Нравится девушка страшно, глаз не можешь отвести, все мысли только к ней и возвращаются. Но представить себя рядом даже и не смеешь. Как же так возможно: я и она. С течением времени это нежелание иметь машину подкрепилось у меня стойкой фобией. Я стал панически бояться кого-нибудь задавить. Со стороны страшным кажется такого рода опасение у человека, который никогда не водил. Но набравшись историй об автопроисшествиях из новостей, уже в зрелом возрасте, когда я начал жить с Таней, окончательно принял решение, что машины у меня никогда не будет. Как ни странно, Таня, когда я поделился этим мучавшим меня время от времени страхом с ней, меня только поддержала: «Не хочу, чтобы ты водил. Столько автокатастроф. Мужу машина нужна только для того, чтобы он не пил, а ты у меня и так не пьющий». На том и порешили. Но это не мешало мне смотреть на автомобилистов с некоей скрытой завистью. Они составляли особую породу, касту посвященных. Женщины на машинах повергали меня в еще больший испуг. Слава Богу, среди наших училок никого таких не было, не то что в университете, где половина женской части кафедры являлась «лошадной». Каждый день я смотрел на них из окна университета, как они выскакивали из своих

машинок, запирали их, заботливо, с нежностью и все больше и больше чувствовал, что машину я никогда не заведу. Теперь уже не из-за страха, а из стойкого сформировавшегося нежелания принадлежать к определенному антропологическому типу.

За нами приехали чуть раньше. Отец, глядя на то, как я тут маюсь в одиночестве и скуке, позвонил своему знакомому и тот лишь обрадовался тому, что можно подскочить, не дожидаясь первоначально означенного срока.

Темно-синий японский универсал, осторожно пробиравшийся по грунтовой дороге садов, посыпанной гравием, я увидел первый. Из него выскочил невысокого роста молодой человек. Ну, молодой я говорю условно, лет на 5 – 7 моложе меня. Отец, заслышав шум шуршащего гравия, а может быть, просто увидев в окно желанное авто, тоже вышел на улицу.

– Здорово, дядя Петя, – пожал владелец машины отцу руку. – Ну что, грузимся и полетели?

– Так это и есть твоя машина?

– Ну, да. А что, не нравится?

– Нет, хорошая, красивая. Просто я думал, что у тебя этот, фургончик.

– Дядя Петя, ну ты даешь. Ну, на кой мне фургон. Для меня после того как я с женой развелся и этого за глаза. Дачи у меня нет, на пикники одному можно и на чем-нибудь покомпактнее ездить.

– Значит, я что-то не так понял.

– Скорее всего, – согласился соседский родственник и тут же начал командовать погрузкой. – Так. Надеюсь, вы готовы? Тогда быстро грузимся и полетели. Много у вас бархла?

Вещей, на мой взгляд, внезапно оказалось даже слишком. Все это было не тяжелое, поэтому, хотя мы и забили коробками всю заднюю часть соседской «Мицубиси», она нисколько не просела на задний мост.

– Мешки? Мешки можете на заднее сиденье забросить. Один человек свободно поместится. Вам же одного хватит? – распоряжался погрузкой соседский потомок.

– Нам два нужно, – сказала мать.

Но как мы не суетились, два не выходило.

– Второй раз я не поеду, – сразу предупредил водитель. – Так что решайте, может быть, что-нибудь оставите.

Но отец не хотел ни второй раз ехать, ни оставлять что-то. Видимо, надоело ему каждый год по два раза маяться. Он хотел увезти все и сразу. Рядили так и этак. Меняли коробки и мешки местами, перекладывали и перетасовывали, теряя время. Но выходило, что как не поставь – все идет, к тому, что еле-еле остается одно место на заднем.

Мне надоело наблюдать за этой суетой и слушать, как постепенно разгорается перепалка между отцом и матерью. Поэтому я сказал:

– Ладно, хватит, тусовать бархлю туда-сюда. Поезжайте

вдвоем с отцом.

– А как же ты? – спросила мать.

– А я тем же путем, каким приехал сюда, спокойненько на электричке.

– На автобус, на автобус можно еще.

– Петь, ну какой автобус. С первого числа отменили его. Кого ему возить-то?

– Точно, и вправду отменили, – осознал отец.

– Ладно, не будем спорить тут, – прервал я их. – Садитесь и с Богом.

Они собрали последние вещи, переоделись, заперли сад. Я попрощался с матерью и помог сесть ей в машину. Отец садился последним.

– Жалко, что так получилось. Я надеялся, что ты поможешь мне еще в городе сгрузиться, все это наверх стаскать и в погреб к нам. Но, видно, ничего не поделаешь, придется самому как-то выкручиваться.

Я кивнул головой. Они сели в машину. Мать помахала мне в окошко, я стоял с той стороны, где она сидела. Водитель газанул. Через несколько секунд они свернули за поворот.

Я остался один посреди мертвого поселка.

7 сентября

После семейной интермедии я вновь вернулся на поле боя за человека, за наше светлое будущее. Раньше это было сердце. Нынче – совсем другое заведение. Это я о школе, если непонятно. От высоких слов в последнее время тошнит непереносимо, однако, как назло, их становится только больше и больше. Здоровый цинизм конца 90-х именно сейчас пришелся бы мне по душе. Тогда говорить высокопарно считалось почти неприличным. Расцвел цинизм, устои пошатнулись. Но на то и заповедь Писарева, бей что есть сил, что прочно, то выстоит, а остальное – хлам. Жестко. Кто скажет – дарвинизм, а я скажу – правда жизни. Соответствие действительности, реализм жесткий и жестокий. Тяжелый, если можно так сказать, реализм. Но с этим можно работать. От этого можно оттолкнуться. А теперь, поди ж ты, что ни собрание педколлектива, то речь годная на передовицу в газету «Правда». Или в «Российскую газету»? Теперь так больше пристало. Она на сегодняшний день рупор официоза. В «Правде» печатают высокопарные обороты нынешних российских коммунистов.

В общем, не суть важно. Главное, что и рядовой состав потянулся туда же. Ни слова в простоте вымолвить не могут. Все кружат и куролесят вокруг того, как «космические корабли бороздят просторы Большого театра». Самое главное,

что вся эта чушь про «высокие идеалы» с размаху натывает на мычание и бессвязное бормотание учащихся. Посмотришь на многих наших дражайших ребяташек, на будущую нашу надежду и опору, и видишь, что высокие идеалы довольно далеко. Пацаны даже компьютерные игры обсуждать перестали. Такое падение. Помню, студентов лет пять назад они прежде всего интересовали. Кто кого завалил. Ночные рейды на босса. Только и разговоров. Теперешние, подобно сонным мухам, ползают между парт и по коридорам, время от времени лениво пихаются локтями друг с дружкой или гогочут над какой-то ерундой, отысканной у кого-нибудь в телефоне. Девушки, которых развелось просто несметное количество, класса с седьмого начинают активно истекать половой истомой. У большинства просто какое-то назойливое желание, чтобы их трахнули. «И жить торопится, и чувствовать спешит». Причем одноклассники в качестве помощников в этом деле почти никогда не рассматриваются. Яростное желание, чтобы это был кто-нибудь постарше. Сплошные «легкие дыханья», прям деваться некуда. Бурное обсуждение собственных откровенных фоток «Вконтакте», я стараюсь не слушать, но уши воском-то не зальешь, подробности подчас текут неостановимой рекой. И вот ты уже доподлинно знаешь, что какая-то Трофимова из 8 «Б» вывесила свою обнаженную натуру, не всю, конечно, а так, не то самое начало, не то фрагмент, с намеком на завтрашнее продолжение. Пип-шоу для малолетних. Но уже одна прелюдия вызвала

бурю ехидных комментариев и такой поток самопальных фотожаб, что незадачливая начинающая порнозвезда вынуждена была удалить потом аккаунт и вовсе. Таких историй воз и маленькая тележка. Если не фотки, то перманентное заигрывание и обсуждение пустых фраз типа «Ой, а ты интересная», или еще более откровенных «А ты любишь с мальчиками или девочками?». Много из этого я бы не знал, поэтому уже начинаешь сам выходить из кабинета, чтоб совсем не упасть духом – неужто все такие? Но избавиться от этого эха сетевой жизни почти невозможно. Ольга Геннадьевна меня время от времени просвещает, когда я от скуки забредаю к ней на перемене. У нее, в отличие от меня, профиль «ВКонтакте» есть, и, поскольку она самая молодая в нашей школе среди учителей, ее то и дело одолевают ученицы с просьбами задружиться. Она редко отказывает. В итоге ее страничка с известной регулярностью переполняется приступами откровенности и перепашиванием откровенных фоток.

Жизнь настоящая бежит не просто за пределами школы, но и за пределами подлинной реальности. Слава Богу, к старшим классам по моим наблюдениям все устаканивается. Девушки становятся более тихими и спокойными, не то после первого аборта, не то осознав, что все мужики – козлы и счастье в труде, как писали у нас в свое время в университете на партах. Однако, средние классы – это ужас, ужас, ужас.

Хотя для меня же в какой-то степени лучше. Планка тре-

бовательности руководства падает. «Только бы без скандалов, Николай Петрович! Только без скандалов!» И я тихонько веду свое безнадежное судно русской словесности, беспокоясь больше о том, чтобы не было бунта среди команды, чем о том, чтобы достичь пункта назначения. Сложно привить любовь к покрывающейся паутиной забвения отечественной классике тем, кто грезит о живом, о поцелуйчиках, а вполне вероятно еще о чем-то погорячее. Поэтому я все-таки стараюсь не думать о высоком. Тем более что год за годом все больше и больше сомневаешься в высоте пыльных полок с невероятным обилием мудрых мыслей. Может быть, жизнь нужно, наоборот, прожить глупо. Может это ошибка – отойти в мир иной так ни разу не опозорившись и не оскандалившись по-человечески, в общепринятом («застигнут со спущенными штанами») смысле этого слова, нашептывает тебе на ушко бес.

Понедельник принято называть тяжелым днем. Но для меня он прошел быстро и незаметно. Ни я, ни ученики, не отошли еще от выходного дня, а поэтому нейтралитета не нарушали. Я им что-то рассказывал. Они меня нехотя что-то спрашивали, писали в тетрадках, строили схемы предложений на доске, о которых забудут уже через час. День состоялся.

Ко мне сегодня никто не зашел, если не считать кратких встреч в коридоре с Анной Николаевной и Сергей Сергеевичем, да и я не слишком горел желанием видеть кого-то. По-

здоровался, уже уходя из школы издалека с Палычем, и по-скакал со всех ног домой. Отлежаться, отдохнуть. Ведь ра-ботать еще целую неделю. Скорее бы каникулы. Я хочу, что-бы каникулы были каждый день.

8 сентября

В отличие от вчерашнего, этот день начался с неприятностей. Секретарша Даша, возраст молодой, глупа, но исполнительна, поймав меня на перемене, когда я шагал побалакать к Светлане Викторовне, передала, что меня просят зайти к Сигизмундовичу. Не могу сказать, что это такое уж радостное известие. Но прятаться смысла нет. Напротив, надо скорее встретить опасность с открытым забралом. Все отталкивающее и отвратительное надо прокручивать как можно быстрее, именно потому, что оно не несет радостей. Проглатывать быстро и зажмурив глаза, наподобие горькой микстуры. Ну, вы знаете, примерно так, как на картинках рисуют в детских книжках.

Я хотел зайти к Сигизмундовичу на большой перемене. Очень удобно. Не придется оставаться после уроков, разговор будет кратким и по существу, не превратится в растянутую пытку.

Я спустился на второй этаж. Кабинет самого великого завуча из всех существующих в мире завучей находился рядом с кабинетом директора. Но дверь оказалась закрыта. Пошел, наверное, в столовую, обедать. Можно было, конечно, спуститься и туда. Но я не чувствовал себя настолько уверенным, чтобы заставить руководство посреди собственной священной трапезы заниматься моей персоной, поэтому повер-

нулся и решил забежать на следующей перемене. Еще лучше, перемена короче, общение насыщеннее и информативнее. Однако стоило мне сунуться в кабинет через урок, как он, едва увидев меня, замахал руками: после, после, зайдите потом, сейчас страшно занят. Жалко, конечно, но и это хороший знак. Если он не хватает меня за шкуру, то это значит, что дело не такое уж срочное и важное. Черт бы побрал это начальство, которое вечно нагоняет завесу таинственности! Сказал бы, о чем будет идти разговор, я бы знал, насколько это серьезно и стоит ли опасаться неприятностей или каких-то подвохов.

Но о чем это я, подвохов надо ждать всегда.

Я подождал еще один урок. Впрочем, вру, томиться от скуки, в тоске поглядывая на медленно сменяющиеся циферки часов, мне не пришлось. Девятый класс был не слишком настроен на работу, поэтому пришлось приложить максимум усилий для того, чтобы навести порядок, дабы удержать аудиторию от окончательного распада. Путем окриков и недвусмысленных угроз мне это все-таки сделать удалось, и они к середине урока сникли, превратившись в аморфную пассивную массу. Даже Тубельников – вечный двоешник вдруг утомился, заинтересовавшись чем-то во взятом у соседки Гужевой смартфоне. В обычное время я бы обязательно сделал замечание, но тут урок был последним, я подустал от предыдущих классов и ожидания разговора с Сигизмундовичем, поэтому махнул на происходящее на мо-

их глазах нарушение дисциплины рукой. Пусть себе сидит, смотрит. Главное, что Гужеева ничего ему не говорит. Видимо, сама отдала ему. Мы ухитрились, несмотря на задержку, сделать за оставшееся время два упражнения, и я вышел из кабинета вполне довольный.

Сейчас бы бежать домой без оглядки, как вон та началька за окном, с улюлюканьем, аж здесь отчетливо слышно, размахивающая ранцами и рюкзаками. Но раз приказано явиться пред светлые очи начальства, надо выполнять.

Несмотря на то, что я не слишком мешкал после звонка, к Сигизмундичу кто-то уже успел прошмыгнуть вперед моей персоны. Я чуть приоткрыл дверь из любопытства, и увидел, кто там у него сидит. Это, насколько я смог определить при секундном осмотре, Лариса Александровна – другой завуч.

Оставалось слоняться перед дверью снаружи. Я начал прохаживаться по коридору между кабинетами Палыча и Сигизмундовича, задумавшись о своем вчерашнем разговоре с отцом.

Юдин. Как он теперь по отношению ко мне настроен? В принципе, мы с ним так и не поругались. Да и из-за чего следовало выяснять отношения? Если он и был виноват передо мной, то скорее в бездействии, чем действии. Мне не нужно даже было это подтверждать фактами. Слишком уж хорошо я его знал.

Мои раздумья прервал Палыч. Мы едва не столкнулись, настолько я отключился от всего происходящего вокруг. Вот

он передо мной. Большой рослый, бородатый как дед Мороз, только волосы в бороде каштановые, а не белые. В руке целлофановый пакетик с пирожками, купил в столовой, сейчас отправится с ними чай у себя гонять. А секретарша будет как мух отгонять посетителей. «Геннадий Павлович сейчас занят»

– Вы ко мне, Николай Петрович?

– Нет, я к Анатолию Сигизмундовичу.

– А да, он хотел вас видеть и всех остальных учителей-словесников.

Не ко мне, тогда свободен! И потопал к себе жрать пирожки. Сейчас ему Дашенька-секретутка мигом все наведет. Сядет Палыч за свой необъятный монитор, оргтехнику он любил и требовал, чтоб все по высшему разряду, откроет «Одноклассников», и рабочий день потечет дальше. Хорошо быть директором!

Я еще тупо побродил некоторое время вокруг кабинетов руководства, мысли о Юдине отскочили при виде пирожковых трофеев Палыча, вдруг захотелось есть, прямо до урчания в животе. Ну что они там копаются? Быстрее!

Как только Лариса Александровна вышла от Сигизмундыча, я метеором ворвался к нему.

У завуча, как обычно, в кабинете царил полумрак. В стиле Победоносцева. Все холодное, серое и сумрачное. Крыла Сигизмундыча всей России не охватывали, и свиного в нем было не так уж много. Но бюрократически-подмораживаю-

щее начало было ощутимо. Такая мини-версия, локальный вариант. Победоносцев-лайт.

Внутри, в отличие от Палыча – вполне себе спартанская обстановка. К своему кабинету Сигизмундыч точно не относился как к последнему пристанищу, поэтому, окружающее ему было безразлично. Он освободил себе полочку для литературы по педагогике. Ну как же, ученый муж, теоретик, Ян Амос Коменский современности, не чета нам грешным. А все остальное, включая пятидесятипятитомное собрание Ленина, оставшееся еще с незапамятных времен, оставил в кабинете нетронутым. Так, по всей видимости, труды великого вождя и перейдут к тому, кто придет на место Сигизмундыча, когда наш великий завуч вновь пойдет на повышение. Вообще есть в этом что-то символичное. Менялись люди и эпохи, перекрашивался и неоднократно ремонтировался кабинет, даже мебель, судя по всему, обновили в 90-е, а Ильич неизменно занимал свое место на полках. Каждый приходящий на место завуча наверняка выбрасывал брошюры, остававшиеся после своего предшественника, и при этом бережно сохранял нетронутыми темно-синие томики. «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить!» Характерная примета нашей школы, а может быть и многих других школ. Выкидывали многое из старой литературы. В прошлом году, Нине Александровне из библиотеки пришлось даже списать старые книжки по физике и биологии, советские, от которых веяло стойким запахом кондовой на-

учности и правильной популярности. А Ленин стоит. В библиотеке, кстати, тоже. «Ленин всегда с тобой, Ленин всегда живой!» У Ольги Геннадьевны в стенном шкафу советская идеология также оставила свой след, пусть и не в виде ПСС, а в качестве десяти томиков из ленинианы – издание в духе «Ленин в воспоминаниях современников» или «Рассказы о Ленине». Надо уточнить. Серые, толстые, выпущенные на самом закате советской власти. Теперь раритет.

А так, больше ничего примечательного в кабинете Сигизмундыча для меня нет. Два типовых стола поставленных буквой «Г», несколько стульев из набора дешевой офисной мебели, комп, как у Палыча, только с монитором меньшего размера, шкафы, в том числе с этим самым Лениным по бокам – вот и все.

– Здравствуйте, Анатолий Сигизмундович! Хотели меня видеть?

– Да, хотел, – тон деловой, отстраненный, нейтральный.

Мы с ним уже столько раз цапались за прошлый год, что он решил в итоге полностью перейти со мной на сухое и отстраненное общение. Нервы бережет. Впрочем, меня это вполне устраивает. Все эти объятия и душевности порядком поднадоели. Он ко мне липнул первое время в надежде на то, чтобы приобщиться к высокому научному бомонду, но потом понял, что ни в какие высокие круги на мне далеко не заедешь, и начал потихоньку гадить. То «окно» поставит в расписание, то к программам придирается начнет. Администра-

тивный восторг. Так по мелочам продолжалось до того момента, когда я начал скидывать с себя 6 «В». После долгого противостояния я своего добился, и именно этой маленькой победы мне Сигизмундыч не простил. Однако вот уже неделя прошла, и пока недружественных действий и актов агрессии я с его стороны не наблюдал.

– Дело вот какое... – продолжил он.

Я тут же вспомнил хозяина квартиры из рассказа Леонида Андреева «У окна», который выпимши всегда начинал искать две копейки: «Дело, видишь ли, вот в чем...». Искал настойчиво, занудно. Смешно.

– Мы с Геннадием Павловичем ознакомились с опытом работы школ района и обратили внимание на то, что в сравнении с ними у нас очень плохо поставленная внеклассная работа с учащимися. Вы, наверное, знаете, Николай Петрович, что Министерство рекомендует нам расширять возможности предоставления ученикам как можно большего пространства для кружковой деятельности в рамках школы. Принята соответствующая программа.

«Так, ничего хорошего не жди», – смекнул я сразу.

– Вот мы и подумали, – он перевел дыхание. – Почему бы нам не организовать кружки при школе, которые помогли бы нам работать над развитием творческих способностей учащихся с одной стороны и заниматься попутно закреплением и расширением знаний полученных на уроке – с другой?

Он отвел взгляд от монитора, и посмотрел из-под очков

на меня. Я продолжал молчать.

– Секцию по шахматам мы уже организовали. Кружок по домоводству и углубленному изучению иностранных языков также. Даже библиотекарь Нина Александровна взялась за проведение своего рода факультатива по детской литературе для пятиклассников. Мне представляется, что вам надо также что-нибудь предложить школе в этом направлении.

– Мне?

– Ну не конкретно только вам, а вообще всем учителям-словесникам. Но, если хотите, то можете и конкретно вы что-нибудь предложить. Выдвинуть какой-нибудь проект.

Я прям задумался. Резко входить в клинч с самого начала учебного года с Сигизмундычем не хотелось, но и во взваливании на себя кружка я также не видел особого смысла.

Сигизмундыч расценил мое молчание как повод для того, чтобы продолжить свои разглагольствования:

– Я тут подумал, да и мне один из учителей посоветовал: почему бы вам не организовать что-то вроде поэтической студии? Вышло бы неплохо, на мой взгляд: поэзия это всегда прекрасно, любовь к слову, да и возраст у них такой, что многие к поэзии сами тянутся.

«Что за бред?» – подумал я. – «К какой они там поэзии могут тянуться? Им бы болтаться день и ночь где-нибудь».

А вслух уточнил:

– Мне организовать?

– Николай Петрович! – Сигизмундыч начал проявлять

признаки раздражения. – Ну почему же обязательно только вам? Всем словесникам, я говорю, или вы меня не слушаете?

– Нет, я слушаю, но...

– А раз слушаете, зачем дурацкие вопросы задаете?

Я пропустил этот невольный выпад. Надо же, «дурацкие».

Умник тут нашелся.

– Они писать-то еле-еле могут без ошибок, а вы им поэтическую студию. Зачем это? – не стал я ходить вокруг да около.

– Мне показалось это оптимальный вариант.

– Для кого? Для них? Это им вовсе не нужно.

– Так надо их заинтересовать, привлечь. Разве не ради этого мы с Вами, Николай Петрович, здесь работаем?

Спорить смысла не было, но я все равно не смог сдержаться:

– Мы работаем, чтобы их хоть мало-мальски читать-писать научить, а не чтобы из них поэтических гениев делать.

– А почему нет? Почему вы так низко оцениваете наши методические возможности?

– Я методические возможности никак не оцениваю. Я о них говорю, об учениках, не о нас. Неспособны они. Неспособны. И я не вижу причин тащить на аркане туда тех, кто не хочет этим заниматься.

– Вы неправы. Заинтересованные дети всегда найдутся.

– Хорошо, положим, найдутся. И что вы думаете, какой уровень им по силам? «Сидели два матроса, курили папиры-

су. Один не докурил, другому подарил?»

– Зачем же с таким скепсисом. Все когда-то с чего-то начинают. От вас же не требуют пушкиных.

– Это не скепсис. Это жизнь такая. Наши ученики ничего не читают. Чтобы писать стихи надо тягу к этому иметь, иметь представление о том, что это не просто рифмовка «учебник-волшебник», а создание образов. Ну, какие у них могут быть образы? Они же в своей жизни ничего, кроме своего двора и компьютера не видели. Стихи о «Варкрафте»? Для поэзии чувства нужды, а у меня такое впечатление, что они без чувств вовсе родились. И это даже не Домби и сын. У диккенсовского мальчика задумчивое молчание и взгляд были полны чем-то, а эти совсем пустые.

– Так вот вы их и наполните. Нет, даже так: их надо зажечь, а не наполнить.

«Господи, боже мой! Пошлость-то какая» – меня чуть не стошнило. Но я сдержался:

– Их не подожжешь. Хотя и не горели. Они изначально из негорючего материала.

– И все же надо попробовать, Николай Петрович. Мы разве здесь не для этого?

– Ладно, вижу вас мои аргументы по существу вопроса, не впечатляют. Спрошу по-другому. А за чей счет это будет делаться?

– В смысле за чей счет? – Сигизмундыч все отлично понял.

«А теперь, мой дорогой друг, поговорим о деньгах».

– Ну, это же вид работы, он ведь должен быть оплачен.

Сигизмундыч замялся. Вопрос денег – это серьезный вопрос. Это тебе не про факелы рассуждать дешевыми избитыми словами. Здесь духовитым туманом не отделаешься.

– В общем, вы правы, – начал петлять он, после короткой паузы. – Но, как таковых, прямых средств у нас на это нет. Мы решили, что эту деятельность нужно проводить в качестве той, что охватывается стимулирующими выплатами. Будете вести занятия, вам за это станут начислять баллы, а они в свою очередь потом переведутся в определенные суммы.

– Ну, мне кажется, вам мое отношение к этим выплатам известно.

Я за баллами не гонялся. Я не тюлень на цирковой арене, который за рыбкой прыгает выше и выше, сколько бы ее не подкидывал вверх дрессировщик. Деньги зарабатывать надо на рынке, торгуя колубникой, а в «Веселых стартах», я еще сызмальства участвовать отказался.

– Но вы подумайте, – в заключение сказал Сигизмундыч.

Я ничего не ответил на это, просто откланялся и побрел восвояси, на свободу.

9 сентября

Я думал, что Сигизмундыч не такой тупой, хорошо знает мою персону, и сразу отвяжется от меня со своей бредовой инициативой по поводу поэтического кружка. Но он, по всей видимости, решил зайти обходным путем, подействовать на меня через «коллег», усювестить и поставить на место. «Не отрывайтесь от коллектива, Николай Петрович! Помните, вокруг вас есть люди» Что-то вроде этого, в таком духе, в таком разрезе.

В итоге на перемене в коридоре меня поймала Татьяна Николаевна, одна из «коллег». Я уже издалека, по тому, как решительно – грудь и брюшко вперед – она устремилась в мою сторону, лавируя между беспорядочно стоящими по коридору учениками, понял, о чем пойдет речь. Ко мне просто так не ходят и, ради того, чтобы поговорить по душам, не отлавливают. Прятаться глупо, поэтому я не стал никуда двигаться, а изобразил невероятный интерес к висевшей как раз напротив меня доске объявлений.

– Николай Петрович, здравствуйте. Вы вчера с Анатолием Сигизмундовичем разговаривали? – начала она, не размениваясь на любезности вроде обсуждения погоды и футбола.

– Разговаривал, – неохотно отозвался я.

– Ну и как? Ваше отношение к его инициативе?

«Зачем спрашивает? Ведь, скорее всего, знает же все» –

подумал я, а вслух сказал:

– Без моего участия – нейтральное, кто хочет, тот пусть взваливает на себя это неблагодарное дело. Если предполагается привлечь меня к этому мероприятию, тогда строго отрицательное.

Она не ожидала подобной прямоты и на секунду потерялась, подбирая, что сказать в ответ. В итоге нашла такое, что и время тратить не стоило.

– Почему вы так настроены?

– Татьяна Николаевна, ну зачем нам вся эта морока. Я Анатолия Сигизмундовича отлично понимаю, ему надо красиво отчетность рисовать. Но мы-то с вами, что с этого будем иметь?

– Так-то, так. Но все же... – робко начала она.

И эта робость разозлила меня окончательно.

– Татьяна Николаевна, скажите откровенно, положила руку на сердце, вы прям жить без своих учеников не можете? Вам их недостаточно на уроке? Хотите после занятий еще с ними возиться? А тетради проверять когда? На вас ведь еще классное руководство. Жить-то когда-нибудь собираетесь или хотите сгореть здесь в классе?

Я обычно редко говорю с такой прямоотой. Женщины, психика слабая. Да и любят больше форму, чем содержание. Но если не грубить, то еще долго придется изворачиваться с помощью плетения словес и стилистических изысков. Будут думать, что я что-то там недопонимаю, недостаточно

чувствую важность момента. А я, наоборот, очень даже хорошо чувствую. Надо быть отвратительным, и тогда от тебя отвяжутся. Нынче только так. Добрый и вежливый, значит глупый и слабовольный. В этом все теперь твердо уверены, ученики особенно. Покажи чуток истинного себя, и сожрут безвозвратно.

А какой он, истинный я? Изуверившийся бездельник – и больше ничего. Будь моя воля, я бы всю школу распустил с уроков, потому что все это одна большая никчемная бессмыслица в нынешнем состоянии.

Она задумчиво смотрела на меня. Все эти вопросы она наверняка и сама задавала себе не раз. Я ничего нового ей не открыл. Легкое сомнение пробежало по ее лицу. Есть, есть нечто там внутри – здоровое и человеческое. Пробежало и утонуло в невозмутимой каменной маске женщины средних лет, педагога со стажем.

– Николай Петрович, так вот поэтому мы к вам и обращаемся вместе со Светланой Сергеевной. Помогите, возьмите на себя часть ведения секции. Вообще, давайте ее втроем вести, каждый по разу в неделю.

– Так вы еще три раза в неделю хотите собираться, – протянул я. – Надеетесь поэтические кадры настрогать по-быстрому, пятилетку за три года?

– Николай Петрович, зачем вы так сразу? Это как получится, конечно, ребята ведь разные подберутся. Пушкиных мы из них точно не сделаем, – она улыбнулась.

– Так чего же ради?

– Николай Петрович, вы же умный человек. Задача простая – чтоб не болтались. Кроме того, я надеюсь, что туда же не все без разбору ребятишки хлынут, а только те, которым по-настоящему интересно.

– Вы надеетесь, что хлынут? – ухмыльнулся я. – И даже таких знаете?

– Да. Я думаю, у меня девочки из класса, две-три, точно бы ходили. Так, если пройтись по средней параллели человек двадцать наберем, а больше нам и не надо.

– Ну, хорошо, наберете. А что дальше делать будете? Возраст у них разный, уровень подготовки тоже, сами же признались.

– Решим что-нибудь.

– По возрастам разбивать неизбежно придется.

– Разобьем, как раз и получится по 6—7 человек. Каждый из нас возьмет себе группу, так и будем работать.

– Ну, так у вас не одна, а целых три студии получится.

– Почему? Нет. Студия одна. Просто группы разные. Вам можем старшую отдать. С ними сподручнее работать будет.

– Спасибо за доверие. Я естественно польщен и все такое, но мне за это дело браться вовсе не хочется.

– Но почему?

– Да потому что туфта это все, лажа. Потому что я стихи не люблю. Какое хотите объяснение подставьте. Нет, нет, нет.

– Ну что вы такое говорите, Николай Петрович, зачем так

шутите. Словесник и не любит стихи. Да такого не бывает.

Бывает, Татьяна Николаевна, бывает. Поэтические строки всегда оставляли меня равнодушным. Правда, сам я не избегнул общего поветрия сочинять стихи. Но у меня, в отличие от моих сверстников гуманитарной направленности – зуд рифмоплетства ограничился тремя-четырьмя «произведениями». Я понял, что чувство ритма у меня есть, рифмовать я умею, а остальное дальше стало мне совершенно неинтересно. Поэзии и как читатель, и как специалист-филолог я всегда предпочитал прозу. Нет, я не был лишен слуха и, как мне кажется, четко различал поэтическое новаторство и поэтическую поделку, имитацию творческого поиска. Но читать все это мне все равно было тяжело, поэтому обращение к стихотворениям и поэтам у меня не выходило за пределы тех, что требовалось учебной программой. Впрочем, все обстояло много хуже. Подобно ученику, я с трудом заучивал те стихотворения, которые так или иначе приходилось использовать в работе. Поэтические строчки отказывались застревать у меня в голове. А здесь мне предлагали возглавить поэтическую студию. Да такое не могло привидеться в самом кошмарном сне.

Я не стал спорить дальше с Татьяной Николаевной. Время поджимало – и ей, и мне нужно было спешить на урок. Я не стал возражать против предложения подумать, потому что понял, что попытка объяснить ей что-то вот так за две минуты языком разумных доводов не увенчается успехом.

И что она уцепилась в эту затею Сигизмундовича?

Я не сомневался, что здесь нет никаких высоких духовных порывов. Во-первых, потому в наш дикий и прагматичный век «духовность» – это просто смешно. И с точки зрения прагматики, и с точки зрения самой духовности. Нет, есть люди, которые ею успешно спекулируют. Такие мне понятны, и с годами я перестал чувствовать к ним неприязнь. Их не надо ненавидеть. Их просто надо задвигать, или переводить «на другую работу», где им не придется использовать как маскировку всю эту высокую лексику. Совершенно другой случай «духовники» мечтательные. Такой породы у нас больше всего. Они сидят по телепередачам, любят заседать в разного рода комиссиях и жюри, произнося время от времени высокопарные речи. Вот эти в обесценивание «духовности» сделали вклад много больший. Потому что духовность тепленькой водички намного страшнее чисто инструменталистского к ней подхода. Эрозия духовности, если уж на то дело пошло, начинается с теплохладных, а не с холодных, которые к ней не имели никакого отношения. Во-вторых, за всей этой затеей не стоит, да и не может стоять, ничего иного кроме двух элементарных доводов – деньги и непротивление начальству. Обычная уже для нашего времени протитутская позиция. Сделать ничего нельзя, бери деньги, ложись и расслабляйся, получай удовольствие. Я никакого удовольствия во всех этих шурах-мурах не видел. Если мне когда-нибудь попадется на глаза талантливый мальчик или де-

вочка, а я пока за всю свою преподавательскую деятельность никого из таких в глаза не видывал, то я с ним, может быть, возьмусь заниматься индивидуально и совершенно бесплатно. Но заселять поэтический дом безликой массой только ради баллов и хорошего отношения с руководством я не собираюсь. Придется отверчиваться любым способом, каким только можно, вплоть до больного дяди в Ашхабаде. Выдумывать как в «Берегись автомобиля» какое-то невероятное количество больных родственников. Не поверят. Да и черт с ними со всеми, мне уже надоело год за годом выстраивать изящные замки лжи там, где достаточно было бы просто сказать, что у меня нет к этого рода деятельности ни малейшей склонности, ни желания.

Человек не хочет. Разве этого недостаточно? Но говорить такое нельзя, не принято. Это так не по-взрослому. Этикет, Николай Петрович, этикет. А ведь иногда так припирает, что хочется не просто отказаться, открыто, без объяснения причин, без аргументации, но и сдобрить этот отказ чем-то вроде «Пошли вы в задницу, идиоты, дайте пожить спокойно».

– Они что у вас там, дураки что ли все? – это уже жена охарактеризовала инициативу Сигизмундыча, когда я дома поделился с ней новостями. – Сидят, заняться нечем? Мало того, что ты и так после работы над бесконечными тетрадками корпишь, столько готовишься, так теперь там еще надо круглосуточно находиться?

– Круглосуточно не надо.

– Это сейчас пока не надо. А потом вас заставят какие-нибудь поэтические конкурсы готовить, фестивали. Неформальное общение пойдет.

– А ты откуда это знаешь?

– Да я по молодости и глупости ходила в одну такую студию у нас при городской библиотеке. Думала умные творческие люди, таланты. Психи, все психи как один. Слет палаты №6 в районном масштабе. Но я там понимаю, это взрослые люди еще балуются. Тут это их забота. Каждый с ума по-своему сходит. Но вы-то удумали ребятишек развращать. Как все это надоело. Песни под гитару. Все эти Окуджавы, Пастернаки, когда это кончится? Когда все эти шестидесятники передохнут? Всю страну не первое уже десятилетие мучают своим нудением. Ладно, нравится тебе поэзия, сиди, читай. Хочешь писать? Пиши, но в стол. Нет, обязательно надо стада собирать и слушать всякую галиматью, причмокивая от удовольствия. Я надеюсь, ты отказался?

Она пристально посмотрела на меня с того края стола.

– Само собой, разумеется, отказался, – соврал я.

– Хоть тут тебя не продавили. И так бесплатно пашешь, а еще это наваливают.

– Отказался, отказался. Только боюсь вот, что это популярности мне не прибавит, ни у училок, ни у Сигизмундовича.

– А она тебе нужна популярность? Сходи, отработай и иди домой. Зачем она тебе?

«А они с моим отцом не так уж далеки друг от друга» – подумал я.

– Тут и спорить нечего, совершенно незачем, – решил я притушить разгорающийся огонь ее праведного гнева. – И все же конфликтовать не хотелось бы.

– Ты опасаясь, что будут последствия?

– Конечно, будут. Кто бы сомневался.

– Ну и черт с ними. Напишешь заявление, все равно они тебя не ценят, все равно они тебя оттуда вытурят. Ты у них как бельмо в глазу.

Татьяна в таких вопросах всегда была настроена радикальнее меня. Пока я сидел и взвешивал все за и против, рассуждал, что приобрету, а что потеряю, она мыслила прямее и проще: с этими людьми нам не по пути. А раз так, то нечего и дорожить тем, чего нет, то есть отношениями. Поддержка с ее стороны – вещь приятная. Но меня она не вдохновляла. Скорее напротив, настраивала на минорный лад. Слишком уж со многими мне в последние годы оказалось идти в разных направлениях. «Это все шагают не в ногу, а я в ногу». Но легче ли от этого? Сознание собственной правоты не грело. Наоборот, в минуты одиночества все чаще и чаще накачивала депрессия. Как жить с сознанием всеобщей неправоты, с пониманием того, что практически все, что тебя окружает, плывет и качается, что оно лишено каких бы то ни было крепких оснований? Стоицизм – хорошая штука, сознание верности категорическому императиву тоже. Но ведь

и жить хочется. А какая возможна жизнь, если она ограничена пределами собственной кухни, если она начинается и заканчивается твоим Я, а тому, кому повезло как мне – с семьей, а дальше болото и трясина, темный лес, тайга густая.

– Написать, Татьяна, нетрудно. Жить-то дальше как? Это учителю Мельникову в фильме легко рассуждать – имеет ли он право быть учителем, когда он перестал им быть. А я ведь никогда им и не был.

– «Ну, кто же тогда учитель, если не ты, и кто ты, если не учитель» – цитатнула она мне в ответ.

– Запомнила.

– Как тут не запомнишь, когда каждый год в сентябре с тобой пересматриваешь.

– Только возвращения назад не будет. Как и просьбы об уходе по собственному желанию. Кстати, про причины веские мне даже напоминать не будут. Палыч с Сигизмундычем только обрадуются такому подарку. Да и училки горевать не станут, попилят тупо часы и деньги между собой.

Я горестно вздохнул. Осенняя тоска и безнадега навалились на меня вдруг разом, хотя за окном светило солнышко, в приоткрытое окно лилось мягкое тепло, и что-то в душе, придавленное грустью и печалью, рвалось туда, на свободу, на улицу. Там спасение? Вряд ли. От себя не уйдешь. Вся беда человека в том, что он никогда не может уйти от себя, назойливые мысли, тягостные сомнения кружат и кружат у него в голове. Но ведь другие живут – и ничего. Как стать

этими другими, как добиться этой простоты и бездумья?

«Водка?» И почему я не стал пьяницей? Пьяному море по колено – народ прав. Хотя правы и другие: «не может быть любое море по колено, не могут быть любые горы по плечо».

Я ополоснул кружку, вымыл тарелку и пошел на диван. Поискать-пощелкать что-нибудь по телевизору? Не дойдя до дивана, увидел Машу, зависшую над ноутбуком в своей комнате. Играет. Маленькие человечки носились по экрану туда-сюда, возводили какие-то постройки. Дочь довольно бойко раздавала им поручения, успевая между делом чем-то приторговывать на рынке.

Я подошел и прислонился к косяку:

– Маш?

– Да, – не оборачиваясь, отозвалась она.

– Ты стихи сочиняешь?

– Это шутка такая, что ли?

– Нет, я тебя серьезно спрашиваю.

– А зачем?

– Что «зачем»? Спрашиваю «зачем»?

– Нет, сочинять зачем?

– Странные вопросы ты задаешь, Маша. Все в юности сочиняют. Возраст такой. Чувства просыпаются. Ты же в куклы играла когда-то и не спрашивала вроде бы «зачем».

– Стихи – это, наверное, мальчишки. Куклы – другое. Хотя тоже глупость.

– В основном да, это мальчишки. Но теперь в поэзии и де-

вушек полным-полно.

– Надо же... – бесстрастно откликнулась она, и я не понял, относилось это к нашему разговору, или ей что-то удачно удалось толкнуть на рынке в игре.

– Ну, так сочиняешь?

– Нет. Как будто не видишь, некогда.

– Вижу. А кто-нибудь из твоих знакомых сочиняет?

– Вот еще. Заняться будто нечем больше. А с чего, действительно, вопросы такие?

– Да, так, по работе.

– Тренируйся лучше на кошках.

– Других кошек у меня нет.

Она промолчала, полностью углубившись в игру.

– Маш, – снова позвал я ее.

– Что еще.

– А ты бы хотела научиться писать стихи?

– Нет.

– А почему?

Она не ответила. Человечки достроили очередной домишко, и им нужно было дать новое задание.

10 сентября

Лучше уйти. Эта мысль засела во мне со вчерашнего дня, после разговора с Татьяной. Соблазнительная идея. Бросить все, отринуть безумие последнего времени. Лежать на кровати, смотреть в потолок и думать о вечном. Сетовать на несовершенство мира и собственное совершенство, доведшее тебя до такого состояния. Чем лучше становишься, тем больше не принимаешь мир. Есть определенная логика в том, что «мира его не принимаю» у Достоевского говорит самый умный персонаж – Иван Федорович Карамазов. Это верно подмечено. Вся русская литература об этом. Горе от ума. Ум как источник разлада с окружающим, которое глупое, и потому жизнеспособное. И опять Достоевский, князь Мышкин. Это ведь от ума большого выламывается человек из мировой гармонии. Ум гонит человека из природы и общества. Из природы понятно. Но почему из общества? Секрет поняли марксисты. Это у них общество – вторая природа. Как верно, как глубоко подмечено. Пусть вторая, но природа. Чем ближе общество к природе, тем проще, тем естественнее ход его жизни. И надо лишь влиться, занять в нем свое место. Стать проще, природнее, а значит и социальнее. Трахаться, бухать, ездить на курорты, выписывать рецепты блюд, растить герань или марихуану в горшочке. Прекратить выдумывать себя. Избавиться от острого ощущения своего я. Быть как все.

Золотая формула. Станет легче. Я мечтал бы об этом. Как это легко у них получается – чувствовать простую логику жизненного цикла. Получать баллы, получать денежку, бежать по кругу, который тебе начертили извне, брести по дорожке, протоптанной твоими предшественниками, без малейшего сомнения, без вопроса о том «правильной ли дорогой идем, товарищи?» Все не могут идти неправильно. Делай, как все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.